

Светлана КУЗНЕЦОВА

РИЧАРД III ПОСЛЕДНИЙ ПЛАНТАГЕНЕТ

Серия исторических романов

Светлана Кузнецова

**Ричард III. Последний
Плантагенет**

«ВЕЧЕ»

2016

Кузнецова С. А.

Ричард III. Последний Плантагенет / С. А. Кузнецова —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-8622-1

Новый роман молодой московской писательницы посвящен последнему представителю древнего королевского рода Плантагенетов на английском престоле — Ричарду, младшему брату короля Эдуарда IV. Ричард никогда не надеялся и не готовился стать королем. Он преданно служил царственному старшему брату, принимал участие в многочисленных сражениях, вместе с ним в 1470–1471 годах бежал в Голландию. Когда Эдуард IV умер, партия влиятельных магнатов в лице лорда Гастингса и герцога Бэкингема предложила Ричарду стать регентом при его малолетнем сводном брате Эдуарде V. Но вскоре было доказано, что мальчик — бастард, и Ричард оказался на троне Англии. Однако власть не принесла последнему Плантагенету ни удовлетворения, ни счастья...

ISBN 978-5-4444-8622-1

© Кузнецова С. А., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Часть первая. Брат короля	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Светлана Кузнецова
Ричард III
Последний Плантагенет

© Кузнецова С.А., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая. Брат короля

*Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров...*
В.С. Высоцкий

Глава 1

– Все на меня! Все ко мне!.. – рычал Фердинанд.

Закованный в кожаный доспех ветеран размахивал боевым топором так, словно тот весил меньше пушинки. Щит он отбросил за ненадобностью. Трое новобранцев топтались на месте и не смели даже приблизиться к прославленному воину. Время от времени кто-нибудь из них делал робкий шаг навстречу Фердинанду, тыкал мечом в его сторону и немедленно отступал.

Ричард, наблюдавший за схваткой из окна своей комнаты, недоумевал: почему бы воинам не атаковать одновременно? Однако те предпочитали действовать поодиночке. То ли считали тактику трое на одного бесчестной, то ли в угоду амбициям не желали делить победу меж собой.

– Ах вы, девки! – Фердинанд одновременно зло и с какой-то отеческой теплотой обру-гал соперников и ринулся на них сам.

Двое попятились, ошетилившись мечами. Третий принял первую атаку ветерана почти достойно – на щит. Однако развить преимущество и ударить в ответ не успел. Запутался в ногах и рухнул в оставшуюся после недавнего дождя лужу, подняв завесу брызг.

Собратья по оружию и слуги, находящиеся во дворе, сопроводили падение дружным гоготом. Дик улыбнулся тоже. Ему нравился и Фердинанд, и его неумелые подопечные. Более всего на свете мальчик любил забираться на колени к прославленному воину и слушать его рассказы о походах и сражениях. Однако сейчас подойти к ветерану он, пожалуй, не рискнул бы. Уж слишком тот преобразился, будто скинув с плеч несколько лишних десятков лет.

Ричард глубоко вздохнул. Ему пока не исполнилось и девяти. И самому себе мальчик казался каким-то неправильным. Слишком хрупким, что ли? К примеру, его брат Джордж хоть и старше всего на три года, но уже выдавался и ростом, и телосложением. А восемнадцатилетний Эдуард был высок и красив, почти как отец.

Когда Ричард жил с матерью в Лондоне, старший брат навещал их едва ли не каждый день. Эдуард подолгу носил его на руках, а когда Дик пытался вырваться, шутил, будто младший не осознает своего счастья. Мол, скоро подрастет и сам станет рыцарем, тогда его уже никто не потаскает просто так.

Наверное, тогда Ричард и поклялся служить брату. Именно ему. Вне зависимости от того, кто будет королем Англии.

– Сонные мухи! – взревел во дворе Фердинанд, кивнул в сторону кое-как выбирающе-гося из лужи новобранца и добавил: – Сухопутные рыбины!

Два оставшихся противника наконец решили действовать сообща. Их атака была одновременно, однако не увенчалась ничем достойным. С тем же успехом собаки виснут на шкуре медведя, а тот сбрасывает их одним движением, заставляя скулить и припадать на все четыре лапы. Фердинанд пару раз крутанул боевым топором, и незадачливые воины отступили.

Ричард усмехнулся и пообещал себе, что станет рыцарем. И не просто рыцарем, а лучшим. Брату понадобятся искуснейшие защитники – и для победы над Ланкастерами, и для восхождения на престол!..

Дик вздохнул и помотал головой, словно желая вытрясти из нее неуместные мысли. Он считал себя взрослым, а потому не смел потакать пустым мечтам. Выдумывать себе райские кущи престало простолюдинам, но никак не изгнаннику и сыну герцога, пусть и младшему. Он мог сколь угодно представлять себе будущие победы, но пока не имел понятия, как добиться их. Единственное занятие, подвластное ему в замке Филиппа Бургундского, приютившего младших сыновей Йорка, – обучение. И Ричард стремился постигать все, до чего мог дотянуться.

Тринадцатый ребенок. Седьмой из выживших. Мать часто повторяла: в нем сходится дьявольское и божественное. А еще будто в семье Дик выглядел подкидышем. В младенчестве он не отличался особым здоровьем, думали, не выживет. Впрочем, герцогиня Йоркская говорила так, лишь когда думала, что находится в одиночестве. В остальное время Ричарда мнили последним сыном и возлагали немало надежд. К тому же недаром герцог Йорк назвал младшего собственным именем. Ричард – отважный правитель.

– Все! – заключил Фердинанд, в очередной раз разогнав подопечных. – Надоели!!! Отдохните пока. Но продолжим мы скоро!..

Ветеран расправил плечи и не без удовольствия снял доспех. Остановил какую-то служанку с полным кувшином, отпил из него, а оставшуюся воду вылил на голову. Несмотря на видимую легкость, с которой Фердинанд расшвыривал соперников, воин устал. Это было заметно и по походке, и по тому, как он держал спину и плечи. Все-таки пятый десяток – тяжело.

Глядеть во двор стало неинтересно, Ричард зевнул и слез с подоконника. Вот уже третью ночь он не мог нормально выспаться. Странная бессонница одолевала его. Стоило раздеться и юркнуть под одеяло, как сон мгновенно слетал. Дик всю ночь ворочался и отдавался дреме лишь под утро. Сейчас усталость одолела окончательно, ей практически не удавалось сопротивляться.

Мальчик посмотрел на увесистый фолиант, который читал, перевел взгляд на кровать. Выбирал он недолго. Ноги сами повели его к мягкому лежаку. Заснул он еще до того, как лег.

Кони шли неспешным шагом. Их вытянутые морды окутывал пар, а жесткие волосы грив поседели от инея. Холод сковывал движения. Рождественские праздники в этом году оказались морозными.

– Ваша светлость, – раздался сильный голос за правым плечом, – замок Сэндэл.

Ричард ощутил глухое раздражение. Он терпеть не мог холод, и неспешная езда утомляла его. Мысль о наверняка подхваченной простуде отзывалась в сердце глухой тоской. Да к тому же этот голос невидимого попутчика... Можно подумать, неясно, куда они направляются.

Дик вздрогнул. После бегства королевы Маргариты Эдуард отправился в Уэльс собирать войска. А герцог Йорк, взяв с собой своего наследника Эдмунда, направился в Йоркшир.

Их всех убили! В нарушение рождественского перемирия, заключенного обеими сторонами, ланкастерская армия атаковала отряд у замка Сэндэл, неподалеку от Уэйкфилда...

Дик осмотрелся, но брата в числе воинов так и не заметил. Эдмунд, должно быть, отстал. Зато Ричард с поразившей самого себя ясностью осознал, насколько невелик их отряд. Они попросту не сумеют оказать должного сопротивления!..

А потом он посмотрел на заснеженную дорогу и с трудом сдержал стон. Земля оказалась намного ниже, чем всегда, даже голова закружилась с непривычки. Сердце глухо бухнуло и замерзло, пойманное в липкие лапы страха.

– Солсбери, – у Дика все поплыло перед глазами. Тело отца, в которое он перенесся каким-то колдовством, действовало само, – будь готов. Я не доверяю ланкастерскому слову.

– Они первыми просили перемирия.

– Это не значит ничего.

Герцог прав, но отцу не дано предвидеть! Дик попытался вмешаться, должно быть, если он отдаст приказ поворачивать, то убийства не случится. Возможно, их не станут преследовать. Внезапной атаки не получится уж точно. Ричард попытался произнести хоть слово и не смог. Сновидение оставило ему лишь роль наблюдателя.

Время словно схлопнулось. Кто-то, кажется Фердинанд, рассказывал, будто во время боя оно замедляется. Однако Дик не заметил ничего – даже откуда появились ланкастерцы. В какой-то момент перед ним возник воин, и рука отца сама подняла меч.

Герцог принял удар на щит. Рубанул в ответ, и ланкастерец не успел закрыться или отпрыгнуть в сторону. Лезвие ударило его по плечу, рука врага опустилась. Хватило несильного тычка щитом – рыцарь рухнул под копыта собственного жеребца. Йорк развернулся, его атаквали со спины сразу двое.

Мальчик тихо молился, боялся помешать схватке и даже дышать пытался через раз. Отец был хорошим рыцарем. Сражение, разворачивающееся перед глазами, произошло зимой, а сейчас в бургундском замке расцветала весна. Вряд ли суждено изменить хоть что-то, но глупая надежда не отпускала до последнего. Она боролась с безысходностью, но от этого становилось только больнее.

От очередного удара щит раскололся. Левая рука онемела и перестала повиноваться. Отец каким-то чудом уклонился от удара и отбросил бесполезную деревяшку. Наверное, он смог бы победить и этого врага, но на подмогу тому уже спешили.

Отряд уничтожили. Где-то еще дрались с тремя или более противниками, но поблизости не осталось никого в состоянии прикрыть спину. Взгляд мазнул вниз и зацепился за грязное полотнище, истоптанное копытами коней. Символ Богородицы – белая роза, избранная еще первым герцогом Йоркским, – пропитался кровью и стал алым.

Удар, пришедшийся куда-то в основание шеи, огнем прошиб тело. Перед глазами полыхнуло, и все померкло.

Дик задохнулся. «Терпеть», – дребезжало в голове, вторя биению крови в висках. Мальчик стиснул зубы и понял, что остался один. Тьма перед глазами истончилась, и он наконец сумел разглядеть высокую статную женщину в скромном темном платье. Наверное, красивую, но то, как она хмурила брови и кривила рот, выглядело отталкивающе. В первое мгновение она даже показалась сумасшедшей.

– Протектор Англии! – произнесла женщина, точно выплюнула, и всплеснула руками. – Наследник безумного короля... Якобы безумного, – она поджала губы, недовольная собственной оговоркой.

Она обращалась к отцу, но его самого Ричард пока не видел – пелена перед глазами закрывала часть обзора. Дик наконец догадался, кто перед ним: Маргарита Анжуйская, жена впавшего в безумие Генриха VI. Пользуясь слабостью мужа, она фактически правила Англией. Отца она посчитала своим врагом первой. Герцог, по сути, лишь защищался.

– Ты возжелал трона, Плантагенет, – она рассмеялась и сделала знак кому-то стоящему за ее спиной. – Так вот твоя корона!

Слуга поднес подушечку, на которой возлежал шутовской колпак, но Дику стало уже не до него. И не до отвратительного глумления и унижения, которому подвергли лучшего человека на свете. Пелена окончательно спала с глаз, и он увидел. На столе перед французской волчицей, как часто именовали Маргариту сторонники отца, лежали головы – Ричарда герцога Йорка, его сына Эдмунда и графа Солсбери.

Это стало для Дика последней каплей. Он закричал и проснулся, судорожно хватая ртом воздух. В ушах все еще звучал торжествующий голос:

– *Отвезите их в Лондон! Пусть все видят!!! Водрузите головы над Миклгейстскими воротами!..*

Глава 2

Когда в дверь забарабанили, Ричард осознал, что кричит до сих пор. Еще не хватало устроить переполох в замке! Дабы замолчать, пришлось укусить себя за запястье. Боль помогла очнуться от кошмара, и дозволение зайти он произнес сорванным, но практически спокойным голосом.

– Дикон! – в дверь сунулась всклокоченная голова. – Что случилось? Ты так орал!..

– Джордж... – Ричард с облегчением перевел дух.

– На тебе лица нет! – брат вошел, плотно прикрыл за собой дверь и сел на край кровати.

– Ничего... – Дик откинулся на подушку. – Плохой сон.

– А... – Джордж успокоился мгновенно и махнул рукой. – Бывает. Когда я был в твоём возрасте, мне тоже многое виделось. Как с лошади падаю или поскальзываюсь на лестнице. Однажды даже утонул, представляешь? Но я никогда не кричал. Сохранял силу воли даже во сне, – брат усмехнулся и задрал нос. Наверное, он считал будто, принимая подобную позу, выглядит внушительнее.

Ричард хотел возразить: мол, увидеть во сне смерть отца вовсе не то же самое, как упасть с лошади, но вовремя прикусил язык.

– Ну, ничего, – рассмеялся Джордж. – Пока маленький, можно.

Дик разозлился:

– Всего на три года!

Эдуард, который был старше его почти вдвое, никогда не попрекал возрастом. Он мог подшучивать, но не больше. А Джордж выпячивал свою взрослость постоянно.

– Да не суть, – тот снова махнул рукой. – Я же к тебе шел... Ой, забыл. Нет! Вспомнил. Я хотел рассказать потрясающую новость! Герцогу Филиппу пришло послание. Из Лондона!

Ричард мгновенно простил брату чванливость, заносчивость и некрасивое подслушивание под дверью:

– Там...

– Ну, я не все понял, – замялся Джордж. – В общем, герцог говорил о... Ланкастеры не сумели захватить Лондон! – закричал он и стукнул Ричарда кулаком в плечо. – Их армия разбита при Тоутоне. Генрих-безумец заточен в Тауэр. Эдуард теперь король! – он выглядел так, словно самолично участвовал в сражении и, более того, именно благодаря нему йоркисты одержали победу.

– Да здравствует Его Величество Эдуард IV! – воскликнул Ричард и засмеялся.

* * *

Погожим весенним утром 1461 года вооруженный эскорт телохранителей повез младших братьев молодого короля в Кале. Нахождение в душной и тряской карете Ричарда искренне расстраивало, и он при каждом удобном случае пересаживался в седло. Джордж, наоборот, сидел смирно и смотрел в окно, провожая бурную зелень и деревеньки таким взглядом, словно являлся по меньшей мере коронованным герцогом и господином этих земель.

– Объяснись, – велел он. Брат снова готовился отдать приказ остановиться.

– Сам объясняйся, – фыркнул Ричард. – Неужели тебе не надоело еще?

– Пока братец Эдуард не женится, его наследником являюсь я, – заявил Джордж.

– И как твой нынешний статус соотносится с подобным, – Дик обвел взглядом внутреннее убранство кареты, без ложной скромности заявляющее о богатстве бургундского двора, – времяпровождением?

– Подданные должны видеть своего будущего повелителя, – заявил Джордж со значением.

Ричард пожал плечами:

– Джордж! Мы на континенте. В Бургундии. Под покровительством герцога Филиппа Доброго. Эти люди никогда не станут твоими подданными!

Он рассмеялся и приказал остановиться. Один из воинов подвел коня. Дик чуть замешкался, взбираясь в седло, и это спасло ему жизнь. Над головой просвистело и, не задев, стукнуло о борт кареты. Ричард оглянулся и с недоумением увидел кончик оперения стрелы. Ничего большего он разглядеть не успел. Кто-то налетел на него сзади и сшиб с ног.

От удара о землю зазвенело в ушах. Видимо, из-за этого Дик не сумел расслышать, какая команда прозвучала: «К бою!» или все-таки «Измена!» Он тщетно пытался выбраться из-под навалившегося на него тела. Понять, что происходит вокруг, было решительно невозможно.

Наконец крики прекратились.

Недовольно храпели кони, и лязгала сталь – вовсе не так, как мгновение назад, почти мирно.

– Ваша светлость!

Дышать стало легче. Тяжесть, прижимающая к земле, отпустила. Дика ухватили за плечи и подняли на ноги. Колени немедленно подогнулись, но упасть Ричарду не позволили.

– Кто?.. – единственное удавшееся произнести. Голос не слушался, и очень хотелось пить.

– Разбойники, ваша светлость. Они обычно не нападают на хорошо вооруженные отряды. Но кто ж знает, какая блажь стучает в головы подобного сброда, – воин с окровавленной рукой и шрамом во всю щеку ощерился, показав редкие желтые зубы.

– Вам лучше пройти в карету, ваша светлость, – распорядился тот, кто все еще поддерживал Ричарда под локоть.

Мальчик кивнул и полез в приоткрытую дверцу. Взгляд внезапно зацепился за что-то знакомое и до боли неправильное. Он не сразу понял. У заднего колеса лежал Фердинанд. Голова ветерана свесилась набок. Череп был проломлен в нескольких местах.

– Дикон! – Джордж ухватил брата за плечи и притянул к себе.

– Это всего лишь разбойники, – повторял Ричард, словно молитву, и не мог замолчать. – Разбойники... Разбойники... не ланкастерцы...

* * *

Происшествие не заставило отряд ехать быстрее, не притушило свет солнца и не превратило весну в осень, но будто бы убило радость от поездки. Младший Йорк теперь сидел в карете безвылазно и читал. Дик и не заметил, когда путешествие окончилось и они достигли Кале.

Сам город произвел на братьев сильное впечатление. Крупная прибрежная крепость. Серые стены, воздвигнутые некогда графом Болонским на месте неприметной рыбацкой деревушки, гордо подпирали небосклон и грозили волнам. Эдуард III Английский не мог взять его в течение целого года.

– Мы в Англии, Дикон! – воскликнул Джордж.

Ричард кивнул. Скоро они будут дома.

Улочки пестрели самым разнообразным народом. Люди громко переговаривались. Часто на нескольких языках одновременно или вставляя в привычную английскую речь французские выражения. Все куда-то спешили, ругались, толкали друг друга.

– Чего же ты хочешь? – усмехнулся Джордж. – В портовых городах всегда так.

Брат отвернулся от окна и сморщил нос. Рыбный запах забивал все остальные. Казалось, он начал преследовать их карету, как только миновали ворота, а на рыночной площади стал вовсе невыносим. Но, как только Ричард увидел корабли, все неприятные проявления жизни потеряли для него значение.

Они переплыли Ла-Манш и отправились в замок Ричмонд, где ждал их Эдуард. Король восседал в зале Сколлэнд-Холл. Вокруг стояли приближенные.

Дик улыбнулся. Легендарного Артура он представлял себе именно таким. Солнечный луч, протиснувшийся из-за пелены облаков, окружал золотым ореолом голову молодого монарха. Лицо казалось задумчивым. Взгляд темно-карих глаз – устремленным в неведомые дали. Рука придерживала меч.

Эдуард посмотрел на младших братьев и рассмеялся.

– С возвращением! – воскликнул он и, сорвавшись со своего места, обнял и расцеловал обоих.

– Ваше Величество... – начал было Дик, но брат остановил его.

– Преклоните колени, – велел он и обнажил клинок. – Властью, данной мне Господом Богом нашим, я провозглашаю своего брата Джорджа герцогом Кларенсом, а своему брату Ричарду даю титул герцога Глостера. Поднимитесь! Отныне вы рыцари ордена Подвязки, – он выдержал паузу и обратился уже ко всем присутствующим в зале: – Они будут воспитываться в замке нашего кузена и соратника Ричарда Невилла, графа Уорвика. Такова наша воля.

Ричард лишился дара речи. Он предполагал, что теперь их жизнь изменится, но не рассчитывал на подобное. Свое решение Эдуард объяснил ему лишь вечером наедине.

Брат выглядел таким же, каким Дик его запомнил: слегка легкомысленным весельчаком. И вместе с тем неизвестная доселе задумчивая складка залегла меж его бровей.

– Герцог! – Эдуард отсалютовал ему кубком и кивнул на место подле себя.

В просторном зале не присутствовал больше никто, значит, и разговор окажется столь же непростым, сколь и откровенным. Это Дик понял сразу.

– Ваше Величество... – Ричард склонил голову и опустил у ног короля на расстеленную там волчью шкуру.

– *Honi soit qui mal y pense*,¹ – произнес король знаменитый девиз наиблагороднейшего ордена Подвязки. – Рад?

Мальчик нахмурился и неопределенно повел плечом. Он мечтал о рыцарстве, но позже, когда научится обращению с оружием. А что если его вызовут на бой, а он окажется неготовым?!

– Граф – соратник отца, – продолжил Эдуард, не дождавшись ответа. – Уорвик Кингмэйкер... создатель королей, – он рассмеялся, но тотчас посерьезнел. – Во многом благодаря нему я взшел на престол.

Ричард кивнул. Брат вновь отпил из кубка.

– Знаешь, – прищурился он. – Порой мне кажется, Невилл помог лишь из желания править самостоятельно. Молчи, – велел Эдуард. – Уорвик не желает короны. Он предпочтет действовать из-за моей спины, но... Я не позволю ему.

Дик недоуменно воззрился на брата. Если тот не уверен в кузене, то зачем повелел им с Джорджем ехать в Миддлхейм?

– Граф на сегодняшний день самый влиятельный вельможа Англии. Создатель королей! Тебе будет чему поучиться у него, – продолжил Эдуард. – Заклинаю тебя лишь об одном: не доверяй ему всецело.

Дик поднялся, но лишь для того, чтобы преклонить колени:

¹ Стыд тому, кто подумает об этом плохо (лат.).

– Ваше Величество, моя жизнь и верность принадлежат вам. Всегда. Какие испытания ни преподнес бы нам Господь. Клянусь!

– Ричард, герцог Глостер, – голос короля прозвучал уверенно и чуть сипло. – Я, милостью Бога нашего Эдуард IV, принимаю твою клятву, – брат кивнул, и на некоторое время в зале воцарилась тишина. – Встань. Можешь идти, – выдержав торжественную паузу, проронил он.

Дик поднялся, поклонился кивком головы и направился к двери.

– Господь не дал Невиллу сыновей. У него только дочери, смотри не влюбись... – усмехнулся Эдуард ему в спину.

Дик фыркнул.

– Ладно, – усмехнулся король, – вернемся к этому лет через десять.

Глава 3

К своему стыду, юный герцог Глостер не познакомился с опекуном до отъезда. Графа Уорвика он даже не вспомнил, а ведь кузен наверняка присутствовал в Ричмонде. Все внимание Дика оказалось поглощено Эдуардом. Столь непростительное поведение оправдывала братская любовь и неизвестность, которую они все пережили. Но если Ричард действительно собирался стать надежной опорой королевского трона, то впредь не мог упускать из виду ни одной даже самой незначительной детали.

Собрался он быстро. Вещей и так было немного, а из ценных – всего несколько любимых книг, подаренных на прощание бургундским герцогом. Однако, прежде чем спуститься во двор, мальчик еще раз заглянул к Эдуарду. Дик конечно же оторвал короля от важных дел, но тот не рассердился. Брат выгнал всех посторонних и растрепал младшему волосы, как постоянно делал в Ладлоу.

Только прикрыв за собой дверь и сбегав вниз по крутой лестнице, Ричард осознал: теперь все идет не просто хорошо, а именно так, как должно. Они обязательно встретятся снова.

Во дворе ожидал Джордж. Кларенс стоял, заложив руки за спину и переминаясь с пятки на носок. Кажется, он немного нервничал. Рядом с ним застыл в небрежной позе невысокий худой человек. Если бы не висящий на бедре меч и графская цепь, возлежавшая на плечах незнакомца, Ричард никогда не заподозрил бы в нем рыцаря. Он не мог понять почему, но мужчину хотелось немедленно обвинить в каком-нибудь заговоре.

Дик начал было обдумывать эту мысль, но его заметил брат и резко выкрикнул:

– Наконец-то! Мы с графом тебя ждали.

– Прошу извинить меня, – Ричард поспешил к ним и раскланялся.

– Дикон, позволь представить тебе нашего кузена, – Джордж скривил губы. Долгие ожидания всегда раздражали его. – Ричард Невилл, шестой граф Солсбери и шестнадцатый граф Уорвик.

Глостер приложил правую руку к груди в знак сердечной радости от вверения опекуну своей дальнейшей судьбы. Хотя Уорвик являлся его родней и ярым сподвижником герцога Йорка, их жизненные пути не пересекались до этого момента. Вероятно, Кингмэйкер считал излишним дарить внимание ребенку.

– Рад знакомству, граф, – Дик позволил себе улыбнуться. Отразившийся от богатой графской цепи солнечный луч ударил в глаза, заставив сощуриться. В носу неожиданно защипало, и в следующее мгновение герцог Глостер неблагоприятно сморщился и громко чихнул.

Шипение, послышавшееся вслед за этим, могло принадлежать только Джорджу или клубку гадюк, если бы тому позволили свиться во дворе замка. А вот Уорвик рассмеялся и, как показалось Ричарду, вполне искренне. Дик настолько удивился этому, что не удержал чих и во второй раз.

– Дорожная пыль, герцог, – кузен развел руками.

Смех у него оказался тихий – в толпе не расслышишь – и мелодичный. А улыбка, возникшая на тонких губах, – располагающей. Вблизи отталкивающее впечатление, которое производил создатель королей, никуда не делось. Однако узкое лицо стало приятнее и старше. В хитром прищуре виделась ироничность. А взгляд вместе со скрытым лукавством выдавал незаурядный ум. Дик согласился с оценкой Эдуарда: этот человек жаждал власти и вместе с тем мог научить многому.

– Рад знакомству, – продолжил тем временем Уорвик. – Король очень хорошего мнения о ваших способностях, Ричард. Весьма надеюсь убедиться в том лично.

Дик почтительно склонил голову.

– К сожалению, я не смогу сопровождать вас, но прибуду в замок, как только позволят дела, – Уорвик говорил им обоим, но у Ричарда складывалось впечатление, словно граф обращался к нему одному. Мельком глянув на Джорджа, мальчик понял: тот ощущает то же самое.

Закончив речь, опекун раскланялся с подопечными и удалился.

– Какой приятный человек, – заметил Джордж.

Ричард посмотрел на брата, вздернув бровь, и проговорил, не скрывая удивления:

– Да? А мне он показался кем-то сродни хорьку.

– Это говорит лишь о твоём неумении разбираться в людях! – махнул рукой Кларенс.

Дик неопределенно повел плечом. Спор не дал бы ничего.

– И, знаешь, – протянул Джордж, провожая взглядом последнюю поклажу. Эдуард позаботился и об их вещах, и о предметах быта. По его мнению, принцы крови не должны испытывать затруднений. – Пока хоре́к считает курятником ланкастерскую свору, он весьма полезен.

И с этим тоже спорить не тянуло, хотя от столь грубых слов Дика заметно передернуло. Они не сочетались с выстраиваемым в мечтах королевством нового Артура. А уж с понятием чести истинного рыцаря – тем более.

– Коня! – приказал Дик, отвернувшись от брата.

– Ты не дожде́шься Эдуарда? Он ведь обязан спуститься и проводить нас.

– У короля много дел, – выкрикнул Ричард, взлетая в седло гнедого пятилетки. – Да и нам пора.

Он сжал коленями лошадиные бока, перехватил повод одной рукой и сверху вниз глянул на герцога Кларенса. Тот выглядел обиженным и оскорбленным одновременно. Но, в конце концов, если брат желал проститься, стоило идти самому. Бездельничаешь – значит, теряешь, как говорят простолюдины.

Губы Дика растянулись в ехидной усмешке. Конь, почувствовав настроение всадника, затанцевал на месте, и это окончательно вселило решимость для осуществления маленькой мести:

– К тому же я с ним уже простился!

Дик встряхнул головой и послал скакуна в галоп. Запряженные в повозку кони нервно заржали, когда буквально перед их мордами пронеслось воплощенное безумие и мелькнул вороной хвост. В свете проглядывавшего из-за облаков солнца гнедой показался ярко-рыжим или даже золотым.

Кто-то из слуг выругался, но не раздраженно, а так – приличия ради. Вот Джордж наверняка злился по-настоящему, но оглядываться в его сторону Ричард не желал. Впереди ожидали взрослая жизнь, новые свершения и победы.

* * *

Дорога... Отвратительная, нудная, долгая и безразличная. А когда из серого марева, заменявшего небо, начинал накрапывать холодный морозящий дождь – вконец невыносимая. Старая еще римская кладка давно выросла в землю. Кони переставляли копыта с характерным чавкающим звуком. Скользили и рисковали переломать ноги.

Приходилось плестись шагом и очень осторожно. Гнедой раз уже потерял подкову, и пришлось заезжать в ближайшую деревню к кузнецу, а потом выслушивать недовольное бурчание Джорджа. Впрочем, брат и так пребывал не в лучшем расположении духа. Долгое нахождение в седле его утомляло, тряска в повозке или карете раздражала, а характер портился с каждой новой милей.

В подобном обществе Ричард давно завыл бы со скуки, однако, опасаясь разбойничьего нападения, Уорвик выделил в сопровождение подопечным многочисленный отряд. Как известно, за хорошей беседой дорога уменьшается, и Дик с удовольствием сокращал путь, стараясь держаться как можно ближе к воинам. Прислушивался к разговорам, а иногда принимал в них деятельное участие.

В замке Ладлоу, где весной 1459 года собрал всю семью герцог Йорк, Дик встречался с Эдуардом каждый день. И, вопреки ехидным комментариям Джорджа, это времяпровождение отнюдь не являлось праздным. Старшему брату нравилось подбивать Ричарда на различные «подвиги» и шуточные бои, испытывать его силу и ловкость, учить стрелять или обращаться с оружием. По его словам, Дик уже в семь лет обладал задатками великолепного бойца.

Все обретенные навыки Ричард с удовольствием демонстрировал на привалах, и к концу путешествия воины начали относиться к нему с большой симпатией. Они тоже отмечали необычайную для столь юного возраста силу Дика.

И вот, наконец, дорога вильнула за небольшой холм, прошмыгнула в редкую рощу и побежала меж полей, а взору предстали величественные стены Миддлхейма.

Глава 4

Замок производил впечатление настоящей крепости и вместе с тем был красив. Высокие башни, зубчатые стены, грозный козырек над воротами. Миддлхейм казался незыблемой твердыней. Словно скала, веками противостоящая морским волнам, он отразил бы любую вражескую атаку и защитил хозяев.

Над головой хлопали многочисленные стяги. Герб над главными воротами казался одеялом, созданным из множества лоскутов. Граф Уорвик поистине являлся знатнейшим вельможей королевства, уж слишком много владений собрал он под своей рукой.

Галереи и анфилады замка казались бесконечными. Пол устилали ковры и шкуры. Стены украшали гобелены с изображениями охоты и ристалищ, портреты прежних владельцев замка и хозяев нынешних.

Герцогов проводили в отведенные им покои. Объявили, когда подадут обед, и оставили одних.

Ричард с любопытством оглядел свою комнату. Окно выходило во внутренний двор, и света, льющегося из него, вполне хватало, чтобы читать, не зажигая огня. Добротная мебель и утварь говорили о богатстве графа, но не бросались в глаза излишней роскошью отделки. Уорвик не являлся завоевателем прошлых времен, тащившим в свое владение любую военную добычу без разбора. Замок обставлялся со вкусом, и каждая вещь лежала на своем месте.

Дик наскоро переоделся и вышел. Он помнил, где поселили Джорджа, но отправился в противоположную сторону. Поговорить с братом он еще успеет, прежде всего следовало изучить сам замок. Не рассчитывать же каждый раз на помощь слуг, когда нужно куда-то пройти? К тому же, если придется наскоро спастись, лучше заранее знать расположение лестниц и выходов.

Страшную ночь 12 октября 1459 года Ричард не сумел бы забыть никогда. Замок Ладлоу захватили. Откуда-то из коридоров раздавались крики и лязг оружия, но сопротивление уже подавили. Временами до потайной комнаты, где прятался Дик с Джорджем и матерью, долетал запах гари, а из щелей тянулся сизый дым. И тогда приходилось сжимать кулаки и прикрывать глаза. И гнать, гнать, гнать от себя мысль о том, что ланкастерцы могли поджечь вотчину Йорков. У матери безмолвно шевелились губы. Она молилась.

В ту ночь большая часть воинов под предводительством Эндрю Троллопа перешла на сторону короля Генриха, а вернее, его жены, Маргариты Анжуйской. В доказательство своей лояльности они передали Ланкастерам план готовящегося сражения.

Герцог Йорк, взяв с собой Эдуарда и Эдмунда, смог покинуть замок. Его шурин, граф Солсбери, и племянник, граф Уорвик, едва успели бежать. Герцогиню и двух ее младших сыновей оставили на милость победителей. Мужчины не могли допустить мысли, что захватчики решатся поднять на них руку.

Ворвавшись в Ладлоу, королева Маргарита пришла в ярость, ведь главные бунтовщики скрылись. Она приказала воинам грабить замок и истреблять всех подряд – от домашних слуг до собак на псарне. Отпрысков Плантагенета искали очень тщательно, но не нашли. Опасаясь жестокой расправы, герцогиня Йоркская с сыновьями затаилась в небольшой комнате меж стен. Позже ей удалось выбраться из Ладлоу по подземному ходу и добраться до Ковентри. Там она и узнала о конфискации всего имущества, принадлежащего герцогу. Семья Йорка объявлялась вне закона, а укрывавшим ее грозил королевский суд.

Под стражей, словно государственных преступников, женщину с детьми проводили в дом герцогини Анны Бэкингемской. Та приходилась Ричарду теткой, но муж ее сражался на стороне Ланкастеров и выполнил бы любой приказ королевы.

Увлеченный безрадостными мыслями, Дик не замечал, куда вели его ноги. Очнувшись, лишь заслышав знакомый голос, сквозь который пробивались едва заметные капризные интонации.

– Эдуард? О... Конечно же я расскажу о нем. Когда нас с Диконом вверили попечению Томаса Берчера, архиепископа Кентерберийского, тот навещал нас ежедневно!

Дик и не заметил, как обошел почти весь Миддлхейм и остановился возле двери в покои брата. При этом он каким-то непостижимым образом умудрился запомнить дорогу, выяснил расположение гербовой и оружейной залы, изучил, куда вело большинство переходов, спустился в холодные подвалы, поднялся в одну из башен и до своих комнат теперь дошел бы, не заплутав ни разу.

– Так вот, – вещал Джордж, – Эдуард являлся со всей своей свитой. Люди заполняли дом. Суета, болтовня, одним словом, веселье! Братца и хозяева, кажется, не смущали совершенно. Как приходил, тотчас начинался пир! Аппетит у нашего короля отменный! Ест без усталости и говорит без умолку. Денно и ночью о победах рассказывал. Причем одну и ту же историю всегда по-разному.

Стоять у закрытой двери казалось неприличным. В конце концов, он не подслушивал!

Дик поднял руку и толкнул потемневшее дерево, украшенное завитками. В комнате кроме Джорджа обнаружилось двое юношей, примерно того же возраста. Оба они немедленно встали и поклонились вошедшему.

– Ричард Рэтклифф, – представился первый. Темноволосый и коротко остриженный, со строгим спокойным взглядом. – Я приставлен в услужение к вам, мой принц.

– Френсис виконт Ловелл, – кивнул второй и улыбнулся. Столь приветливо, что Дик не мог не ответить тем же.

– Ричард, – Дик слегка замялся, прежде чем произнести титул, – герцог Глостер. Рад знакомству с вами.

Он был уверен: с этими двоими судьба свела его не просто так. Они станут друзьями до самой смерти.

– Нелегкая ноша, – нахмурился Рэтклифф. – Двое ваших предшественников погибли.

О трудной судьбе герцогов Глостерских слагали легенды. Мало кто из них доживал до старости, а последнего и вовсе казнили, обвинив в измене. Ричард повел плечом, поискал свободное место и, не найдя его, уселся прямо на шкуру:

– Меня это не пугает. Я не думаю, будто умру своей смертью.

– Дикон у нас суеверен донельзя, – фыркнул Джордж.

– Расскажи лучше, – попросил Ловелл. – Вы ведь прибыли из Бургундии.

– Там... – Ричард поискал нужное слово. – Очень красиво.

Герцогство Бургундское по праву считалось одним из богатейших в Западной Европе. Центр культуры и искусств. При дворе Филиппа III обитали лучшие художники, скульпторы и музыканты. Процветал культ рыцарства и поклонения прекрасной даме. Именно там столь сильно захватила Ричарда легенда о царствовании короля Артура.

– Дикон научился говорить по-фламандски, – вставил Джордж.

– Надо же было понимать, – кивнул Ричард. – И... Герцога не зря прозвали Добрым. Он истый рыцарь и всегда хорошо относился к нам. Именно таким, как он, и должно быть правителю, я уверен в том.

– А как же братец Эдуард? – прищурился Кларенс.

– Он мой сюзерен, и я всегда буду ему верен!

– Герцог Филипп учредил в своем замке настоящую капеллу, представляете? К нему со всего континента едут только бы послушать ее, – тотчас вернулся к рассказу Джордж.

– А еще он основал орден Золотого руна и собрался объявить Крестовый поход!

– О, вот видите! – рассмеялся Кларенс. – Дикон уже готов повторять подвиги Львиного Сердца.

Глостер вздохнул и прикрыл глаза. Он часто злился на брата, но старался избегать ссор. Однако сейчас почти готов был сказать пару грубостей.

– А турниры устраивали? – поспешил прервать внезапно возникшее молчание Ловелл.

– На них съезжался цвет европейского рыцарства! – ответил Джордж так, словно сам являлся одним из прославленных в боях воинов или даже организатором турнира. – Вы же знаете, как это происходит?

– Не со злым умыслом, но во всей любви и дружбе, дабы доставить удовольствие участникам и развлечь прекрасных дам, – процитировал Ловелл.

– Думаю, здесь вам тоже не придется скучать, – заметил Рэтклифф. – Граф Уорвик требовательный наставник, потому и нас, и вас отправили сюда.

Дик вопросительно приподнял бровь.

– Римское право, латынь, французский, греческий, – принялся перечислять Рэтклифф. – Математика, история, философия, теология. Музыка, танцы, поэзия, кодексы рыцарского поведения и этикета. А кроме этого нам предстоит заниматься борьбой, стрельбой из лука и арбалета, фехтованием и верховой ездой. Охота и шуточные турниры тоже будут.

– Слава богу, – непонятно чему обрадовался Джордж. Ричард подозревал, что из всего перечисленного тот запомнил только про охоту. Брат полагал ее истинным и едва ли не единственным занятием, достойным королевской особы.

Глава 5

Дни текли столь быстро, насколько это вообще возможно. Так спокойная с виду, широкая и величественная река подхватывает сухое бревнышко или неосторожного пловца и несет. Несет так, что иной раз и не догонишь.

Поддаваться течению было весело и интересно. Ричарду всегда нравилось изучать новое. В замке герцога Бургундского все свободное время он посвящал библиотеке. Филипп Добрый это поощрял, но не более. Младших сыновей герцога Йорка он не собирался обучать чему-либо. В отличие от Уорвика. Создатель королей установил подопечным довольно жесткое расписание. У тех не только на шалости – на разговоры меж собой иной раз не оставалось лишнего часа.

– Эй, – окликнул Ричарда тонкий детский голосок.

Поглощенный мыслями, он не сразу услышал.

– Эй! – повторили снова и гораздо громче.

Дик резко остановился. Висящий на стене факел вспыхнул подозрительно ярко, но юноша не обратил на него внимания. Он обернулся и с удивлением скользнул взглядом по маленькой тонкой девочке в простом светлом платье.

На вид Глостер дал бы ей около пяти или даже четырех. Очень уж маленькая. Бледное круглое личико. Курносый нос. Черные глазища – огромные, чуть ли не на пол-лица. Темные волосы, небрежно заплетенные в толстую косу, слегка вились и потому выбивались из прически. Ими играл солнечный свет, падающий на голову девочки из высокого окна, и казалось, будто лик ее окружен золотистым ореолом.

– Пресвятая Дева... – прошептал Ричард одними губами.

Девчушка нахмурилась, похоже, Дик сильно смутил ее.

– А у тебя одно плечо выше другого! – заносчиво выкрикнула она.

Дик невольно подумал о Джордже. Брат наверняка сильно обиделся бы, а то и рассердился из-за подобных слов. Однако сам Ричард не ощутил ни того, ни другого. Ему вдруг стало очень легко и весело. В воздухе будто повис хрустальный звон невидимых колокольчиков.

– Вот как, – он опустил на колени. Так герцог становился приблизительно одного роста с девочкой. – Я уродлив, госпожа?

Он протянул руку, и девчушка смело шагнула к нему навстречу.

– Нет, – произнесла она очень тихо. – Почти незаметно... правда. Просто я слышала, как герцог Кларенс говорил об этом Изабелле и... – она замолчала, недоговорив.

– Ах, Джордж, – Дик улыбнулся. – Тогда понятно. Странно, что он не назвал вам более страшные мои недостатки.

– А их у вас много?

– Безмерно.

Время шло, шелестело, будто осыпаясь песчинками. Меж ними повисла тишина. Этикет предписывал вести неспешную беседу и развлекать даму, но Ричард впервые не мог придумать ничего интересного.

– Мне пора, – девочка заговорила первой.

– Я провожу вас.

– Не стоит! – она отошла. – Это неприлично. Мы даже не представлены!

Дик рассмеялся. Уж слишком не вязались с происходящим какие-либо правила.

– Герцог Глостер к вашим услугам, моя госпожа, – он поднес руку к груди и склонил голову. С колен он так и не поднялся.

Дик сравнил бы себя с каким-нибудь героем рыцарской баллады. Это наверняка польстило бы ему. Но девочка казалась важнее собственных мыслей и чувств. Безразлично на кого ты похож, если рядом подобное чудо.

– А имя? – голос прозвучал слегка обиженно.

Он поднял взгляд:

– Ричард.

Девчушка стояла очень близко. Протяни руку – дотронешься. Но вместе с тем казалась нереальной. Волшебным существом из старых легенд.

– Анна Невилл, – по-детски припухлые губки раздвинулись, обнажив ровные белые зубы.

Ну, конечно! Младшая дочь Уорвика. Дик лишь теперь понял, почему внимательный взгляд темных глаз показался столь знакомым. Анна напоминала отца уверенной дерзостью и величием, но не лукавством. Притворства в ней не ощущалось совершенно.

– Теперь мне будет дозволено проводить вас, моя госпожа?

– А вот и нет! – девочка тряхнула головой, отчего из прически выскользнуло еще несколько прядей. – Вы находитесь в моем замке, сэр рыцарь!

Она засмеялась и скрылась за углом. Ричард покачал головой, медленно поднялся и продолжил свой путь в библиотеку. Этим вечером он познакомился и со старшей дочерью графа.

В зале играла музыка, и весело плясали по стенам и полу отсветы огня. Один из нечастых вечеров, когда молодые люди были предоставлены сами себе. У окна, занятые разговором, расположились Рэтклифф и Ловелл. Френсис, завидев Ричарда, приветливо помахал рукой, но Глостер не спешил подходить к друзьям.

Джордж сидел в обществе высокой статной девушки в лиловом. Та была не намного старше Дика – на год или два, – но вела себя, словно взрослая дама. Держалась с достоинством королевы. Каждый ее жест казался выверенным. На собеседника она не смотрела, лишь изредка бросала заинтересованно кокетливый взгляд из-под длинных ресниц. Сидящая рядом с ней Анна без стеснения ерзала на стуле. На лице девчушки была самая настоящая скука.

– Дикон... – брат заметил его присутствие лишь тогда, когда юноша подошел почти вплотную. – Перед тобой леди Изабелла Невилл, старшая дочь графа Уорвика, и ее сестра Анна. Дамы, позвольте представить вам моего брата Ричарда, герцога Глостера.

– Благодарю вас, герцог Кларенс, – величественно произнесла Изабелла, сопроводив слова слегка заметным наклоном головы. – Мы рады встрече со столь блистательным кавалером.

«Это может быть весьма полезно для нас», – мысленно продолжил за нее Ричард и не сумел сдержать усмешки.

Он изысканно поклонился:

– Рад знакомству, леди.

Изабелла скользнула по нему безразличным взглядом. Губы ее растянулись в притворной улыбке. Посчитав все предписанные этикетом меры соблюденными, девушка вновь обернулась к Джорджу. Анна на этот раз рассматривала Ричарда внимательнее и даже оценивающе.

– Нет, – наконец выдала она, – все с вами хорошо. Ни малейшего изъяна!

Джордж посмотрел удивленно. Дик рассмеялся.

– Энн!..

Девочка фыркнула и взглянула на Изабеллу, не скрывая превосходства, с вызовом, столь понравившимся Ричарду при их первой встрече.

– Прошу извинить мою сестру, – старшая Невилл сморщила носик. – Она дурно воспитана.

Ричард поклонился девочке:

– Могу я предложить леди Анне свое общество?

– Вне сомнений, сэр рыцарь, – быстро произнесла девчушка, не позволяя сестре ответить отказом. Встала со своего стула и оперлась на руку Дика. – Идемте.

В тот вечер к Рэтклиффу и Ловеллу он так и не подошел. Хотя позже с удовольствием представил друзей леди Анне.

Дни текли все так же быстро. К краткому курсу естественных наук прибавились шахматы. Ведь истинный рыцарь обязан овладеть этой игрой в совершенстве. Иначе он не сумеет управиться с армией в реальном бою.

Каждый день юноши практиковались в верховой езде, охоте, во владении оружием. Вечером они обучались пению, танцам и игре на музыкальных инструментах. Ричард прилежно относился ко всем занятиям, но его основные усилия были направлены на совершенствование боевого искусства. Маленькую леди Анну он также старался не обделять вниманием.

Эдуард не забывал о младших братьях, постоянно интересовался их успехами у Уорвика, отправлял послания и даже гостил в Миддлхейме несколько раз. Новыми землями и почестями он осыпал их одинаково щедро, но Джордж отчего-то казался недоволен. Он сильно изменился за эти несколько месяцев.

* * *

Копыта Серри прогрохотали по навесному мосту. Конь заржал, приветствуя знакомых лошадей. Дик натянул повод, заставив скакуна застыть на месте, красиво изогнув шею. Спешился и поднял руку в приветственном жесте:

– Френсис!

– Я собирался промять вороного, – Ловелл с удовольствием потянулся. Рассвело с час назад, но виконт терпеть не мог вставать рано. – А ты, я вижу, сегодня и не ложился.

Дик повел плечом:

– Ошибаешься, спал как убитый.

– Не шути так накануне первого турнира!

Ричард рассмеялся и, ткнув друга кулаком в плечо, повел Серри в конюшню. Коня следовало расседлать и обтереть.

Уорвик, ободренный успехами подопечных, решил устроить в замке настоящий рыцарский турнир. Гонцы вот уже более недели колесили по округе, зазывая:

«СЛУШАЙТЕ! СЛУШАЙТЕ! СЛУШАЙТЕ!»

Да пусть все принцы, сеньоры, бароны, рыцари и дворяне из земель этого королевства! И всех других христианских королевств, не объявленных вне закона и не враждебных нашему королю, да хранит его Господь, знают, что состоится великий праздник и благородный турнир с булавами установленного веса и затупленными мечами, в соответствующих доспехах, с плюмажами, гербовыми накидками и конями, покрытыми попонами с гербами благородных участников турнира, согласно старому обычаю!

И чтобы знать это лучше, все принцы, сеньоры, бароны, рыцари и дворяне из вышеуказанных владений и рыцари из любых других земель, кто не изгнан и не враг нашему королю, кто желает принять участие в турнире

и ищет чести, могут нести эти малые щиты, что даются вам сейчас, дабы все могли знать, кто участвует в турнире. И каждый, кто хочет, может иметь их: эти щиты разделены на четыре части гербами четырех рыцарей и дворян-судей турнира!»

И многие славные рыцари спешили принять в нем участие.

На поле близ Миддлхейма готовили ристалище. Избранный участок обнесли прочной деревянной оградой, с одной ее стороны построили трибуны для знатных зрителей. Отдельно возвели ложи для специально приглашенных гостей, организаторов турнира и прекрасных дам.

Замок не вместил бы всех участников и их свиту, но того и не требовалось. Рыцари предпочитали жить в шатрах. Каждый стремился взять с собой сколь возможно более свиты, дабы роскошью своего выезда затмить всех вокруг.

К Миддлхейму стекались реки из людей и повозок из всех соседних деревень, городов и замков. Вокруг турнирного поля возникали целые поселения. Подъезжали торговцы и устраивали ярмарки, на которых при желании удалось бы приобрести не только еду и одежду, оружие и доспехи, но и лучших лошадей.

Всюду царило оживление. Хлопали на ветру флаги. Сверкало оружие. В глазах рябило от щитов и гербов.

Не проходило дня, чтобы кто-нибудь из молодых людей не покидал замка. Учителя, обычно ревностно следившие за соблюдением расписания, закрывали на это глаза. Слуги стали расторопнее, а служанки – шумнее. Всеобщее оживление захватило даже чопорную Изабеллу, Анна же веселилась от души.

Минули тяжкие годы правления Маргариты Анжуйской. Французская волчица ненавидела англичан и завидовала чужому достатку и благополучию. Она даже ввела ограничения на количество и качество одежды, которой имел право располагать каждый подданный ее королевства.

Простолюдинкам полагалось не больше одного платья. Но и то обязательно должно было быть черного цвета. Нижнего белья разрешалось иметь не более одной пары. Две сорочки, один чепчик и не более того. Дворянки имели право только на три платья. Причем зимой они обязаны появляться в одежде только голубых тонов. Эдуарда возлюбили все от мала до велика благодаря одной лишь отмене столь зверского закона.

И только пожилой ветеран, учащий молодых людей бою на мечах, кряхтел и хмурился.

– Считается, будто участие в турнире способно дать необходимые навыки для реального боя, – неустанно повторял он. – Не так это. Далеко не так. Баловство.

Ричард соглашался с ним. Кивал одобрительно. Но все вокруг казалось слишком ярким и захватывающим. Дик не сомневался – он выйдет победителем. И заранее предвосхищал, как обрадуется его дама сердца.

Глава 6

Долгожданный день оказался ясным и по-летнему теплым. В синей вышине пела какая-то пичуга. На душе было невероятно легко и радостно. Ричард давно встал и оделся, но вышел из комнаты только после напоминания слуги. Граф Уорвик собирал воспитанников в пиршественной зале.

Свет играл и здесь. Лился сквозь окна, светлыми размытыми лужицами расплзался по полу и стенам. В глазах рябило от ярких нарядов, знамен и гербов, украсивших помещение.

– А ты уже выбрал девиз, сэр рыцарь? – Анна облачилась в ярко-красное платье, которое ей удивительно шло.

– Loyalty me lie, моя госпожа, – Дик поклонился ей. – Верность меня обязывает.

Он не помнил, когда эти слова сорвались с губ впервые. Кажется, в споре или очередной размолвке с Джорджем. Они обсуждали смерть короля Ричарда II и захват власти Генрихом Болингброком. Изгнанный из Англии сын герцога Ланкастера захватил Лондон в отсутствие монарха, воевавшего в это время с Ирландией. Одному Богу известно, как эта тема могла затронуть Эдуарда... Если только тем, что Ричард II повелел казнить тогдашнего герцога Глостера, а его земли присоединил к короне.

Джордж начал выказывать недовольство на невнимание, оказываемое ему старшим братом. И даже заметил, будто скоро вступит в возраст, в котором Эдуард получил корону. Конечно, подобное не удалось бы счесть мятежом даже самому дотошному крючкотвору, да и любил герцог Кларенс бросаться словами и обвинениями. Однако Дика это задело слишком сильно. Он повторил слова клятвы верности, данные королю, а потом и фразу, ставшую девизом. Ныне ее выбили на щите.

– И кому же вы верны, сэр рыцарь? – Анна склонила голову к плечу и посмотрела заинтересованно.

– Моему брату, Эдуарду IV!

– Ах... ну конечно, – она слегка запнулась. Девочка не выглядела расстроенной, но за прошедшее время Ричард узнал ее слишком хорошо. Она не обиделась, но рассчитывала на большее, нежели слова о рыцарском долге.

Дик ревностно скользнул взглядом по ее типпетам, но ни одна из лент, украшавших рукава верхнего платья девочки, еще не пострадала. Он с облегчением перевел дух. Было бы обидно стать вторым или не успеть вовсе. О том, что Анна слишком молода и вряд ли будет избрана кем-то из участников дамой сердца, ему и в голову не пришло.

– Однако... – в горле внезапно пересохло, а голос, только становящийся взрослым, сорвался на почти петушиное кукареканье. – Кроме верности королю существует и другая... верность.

Он откашлялся и опустился перед ней на колени. Губы будто сами собой произнесли слова клятвы. На этот раз не просто верности, но и любви.

Так Ланселот стоял перед королевой Гвениверой. Так признавался в любви Изольде отважный Тристан...

От возвышенных мыслей его отвлек треск разрываемой ткани. Видно, служанка, пришивавшая типпет², переусердствовала. Она явно не рассчитывала на избрание своей госпожи дамой рыцарского сердца.

– Я принимаю вашу клятву, сэр рыцарь, – Анна протянула ему неровно оторванную алую ленту. – Да прибудет с вами Господь Бог и удача в бою, Ричард герцог Глостер.

² Типпет – капюшон или палантин с украшениями из лент, перьев и пр.

Дик коснулся губами края ее платья. Принял типпет. Поднялся. И только затем обнаружил, что все внимание присутствующих обращено на них!

– Воистину! – воскликнул Ловелл, отвлекая остальных от созерцания смущенного и растерянного принца. – В ношении платка или предмета одежды возлюбленной дамы, еще сохранявших аромат ее волос или тела, – юноша вздохнул и устремил взгляд наверх к небу, сокрытому высоким потолком, – элемент рыцарского турнира выявляется столь непосредственно, как только возможно. – Он старался подражать знаменитым менестрелям, но в его исполнении одухотворенность выглядела слишком наигранной и потому комичной. Впрочем, Френсис и сам это понимал, потому свою реплику решил закончить в совершенно ином тоне. – Возбужденные поединком дамы дарят рыцарям одну вещь за другой: по окончании турнира они без рукавов и босы!..

Граф рассмеялся, а за ним и остальные. Улучив момент, Джордж подхватил младшего брата за локоть и увлек в сторону со словами:

– Братец! Ты случаем не поторопился?!

Растерянность прошла, как и испуг, вызванный неожиданным вниманием. Дик глубоко вздохнул и ответил ровно:

– Я не вижу смысла в потере времени.

– Ей шесть лет, о чем ты думаешь вообще?! – прошипел Джордж.

– Мне безразлично. К тому же юность, пожалуй, единственный недостаток, проходящий с годами.

– Вам понадобится разрешение папы, – привел последний аргумент брат. – Мы с Невиллами в родстве. Причем очень близком!

Дик повел плечом и усмехнулся:

– Он, как правило, соглашается.

Бросив взгляд за спину Джорджа, он увидел опекуна. Ловелл и Рэтклифф о чем-то оживленно беседовали с ним. Однако кузен казался напряженным и прислушивающимся не столько к подопечным, сколько к своим мыслям. Все внимание Уорвика было приковано к Дику, и, казалось, создатель королей вовсе не против произошедшего. Но одобрит ли он подобное поведение на словах?..

– Ричард, герцог Глостер! – прогремел по залу его голос. Негромкий, но заставивший смолкнуть все остальные разговоры. Джордж мгновенно обернулся. Дик вздрогнул. – Ваш брат, король Англии Эдуард IV, прослышал о большом усердии, проявленном вами в науках светских и военном деле.

Дик склонил голову и вышел вперед. Сердце, рвущееся из груди, подобно попавшей в клетку вольной птичке, замерло.

– Он счел возможным назначить вас констеблем крепости Корф-Кастл в Дорсете.

Дик поклонился так, чтобы волосы упали на лицо. Они скрыли, как означенный констебль жмурится и прикусывает губу, лишь бы не закричать от восторга и переполняющих душу чувств.

Первая военная должность. В десять лет от роду! А дальше... Дальше будут победы. Он оправдает доверие брата!

Дик выпрямился, развел плечи и вдохнул полной грудью. Ему даже показалось, будто он стал выше ростом.

Ну, держитесь Ланкастеры! Ныне в битву вступает герцог Глостер. И знамя с белым венрем поперет вашу алую розу. Трепещите!

А Анна смотрела на своего рыцаря и не узнавала его. В предвкушении будущего удовольствия губы Ричарда изгибались в лукавой и хитрой улыбке. В глазах плясали веселые искорки. Он озорно прищуривался, словно глаза слепил солнечный луч. На щеках, под ску-

лами проступали небольшие продолговатые ямочки, делавшие его лицо невероятно привлекательным.

– О назначении я объявлю на турнире, – продолжал тем временем Уорвик.

Ричард кивнул и тряхнул головой. Хотелось немедленно вскочить в седло. Выхватить меч или топор и обрушить на головы врагов, сколько бы тех ни было. Скорее... Скорее... Только скорее!..

– После вашей победы, Ричард, – добавил граф.

* * *

Рыцарские турниры вошли в обиход начиная со второй половины XI века. Правила для первых из них появились благодаря перу Жоффруа де Прейли, некоторое время спустя погибшего на одном из них. Главным назначением турнира являлась демонстрация боевых качеств рыцарей, их доблести и отваги.

Несмотря на заявленное доброе расположение участников друг к другу, без кровопролития и жертв обычно не обходилось. Однако праздника это не портило. Наоборот, заставляло быстрее бежать кровь по жилам и сильнее сжимать рукояти мечей и копий.

Дик не без удовольствия осмотрел свой доспех и покачал головой. Несмотря на возвышенные мысли о величественности момента, хотелось смеяться в голос. Выглядел он, конечно, не как шут, но тоже довольно комично.

Зрителей присутствовало много и не только на трибунах. Дабы они могли выделить в толпе понравившегося рыцаря, все детали доспеха покрывались тканевыми накидками. На шлем – крешт – чисто декоративная деталь, замысловатая и причудливая. Обычно его изготавливали из кожи и расписывали яркими красками. Еще одной обязательной деталью являлись бурлет и намет – тканевый валик, обычно двуцветный, с пришитым к нему покрывалом, закрывающим заднюю часть шлема. Наметы стали особенно популярны во время крестовых походов, где они предохраняли от перегрева. Однако в дождливом климате Англии они оказались совершенно бесполезны. Серри облачили в попону с изображениями герба хозяина.

– Мой принц! – в конюшню заглянул Рэтклифф, уже полностью одетый. – Скоро начнется.

Он помог Дику облачиться. Хмуро посмотрел на шлем. Доспехи Глостеру были несколько великоваты. Проверил подпругу Серри и наконец кивнул. Выехали они вместе.

Солнце все так же блистало на небе. Вокруг разливалось настоящее людское море. Ричарду показалось даже, будто шатров и рыцарей прибавилось. Хотя вряд ли. Участники прибывали за четыре дня до открытия и заявляли о себе. Иначе к турниру они не допускались.

– В Бургундии было так же?

Юноша кивнул. Ему не хотелось разочаровывать друга. К тому же сегодня он сидел на коне, а не на трибуне! Да и торжественного выезда рыцарей не видел, а потому не мог оценить пышность действия. Дик на него едва не опоздал, разговорившись с Анной и не уследив за временем, чем поставил под вопрос собственное участие в турнире. Успел в последнее мгновение.

В замке герцога Филиппа торжественный въезд рыцарей являл собой зрелище воистину неопишное. Сначала наиболее знатные участники турнира, желающие выставить на обозрение свои знамена, прикладывали усилия, чтобы собрать окружение из как можно большего числа рыцарей и дворян. Это придавало им особый статус.

Боевой конь такого участника входил в замок первым, покрытый попоной с гербом. Четыре гербовых щита закреплялись на конских ногах, а на голове – украшение из страусиных перьев. На шее жеребца – связка колокольчиков. В седле – маленький паж.

Далее шли боевые кони других рыцарей и дворян из окружения – пара за парой или один за другим – тоже с рыцарскими и дворянскими гербами на ногах.

После входили трубачи и менестрели, непрерывно играя на своих инструментах. Затем – герольды или их помощники, одетые в свои гербовые накидки. И, наконец, рыцари и дворяне со своими свитами.

Немедленно после того, как участник прибывал на постоянный двор, он выставлял свою гербовую накидку в окне. И приказывал герольдам и их помощникам вывесить длинную доску с изображением своего герба, а также тех из его свиты, кто будет участвовать в турнире.

Глава 7

На устроенном заранее алтаре местный священник служил торжественную мессу вместе с другими духовными лицами, сюда прибывшими. Ричард следил за ним с некоторого расстояния, не спеша подъезжать за благословением.

– Мне внезапно подумалось, Рич, – обратился он к Рэтклиффу. – Разве это правильно, что Бог благословляет на кровопролитие? Турнир ведь не бой и не поединок во имя справедливости...

– С благословения Божия начинается всякое дело, – серьезно произнес друг, – тем более стоящее.

Дик повел плечом, однако приближаться к святому отцу все же не стал. Кто знает, может, некто подобный благословлял королеву Маргариту на убийство его отца!

После окончания мессы участники турнира оседлали коней и, устроившись в колонну по двое, въехали на ристалище. Ричард присоединился к процессии. Ловелл уже находился в строю.

Серри прятал ушами и всхрапывал. Его беспокоили шум и крики на трибунах. Благородные зрители и простонародье восторженно приветствовали участников.

В Бургундии торжественный выезд обязательно сопровождали жонглеры. Здесь обошлись без них. Во главе колонны красовались на серых жеребцах герольды и судьи турнира вместе с заблаговременно избранным *Chevalier d'honneur* – почетным судьей. Он служил посредником между зрительницами и рыцарями. Остальные судьи в сопровождении двух красивейших дам вручали ему головное украшение – некое подобие бурлета. *Chevalier d'honneur* привязывал украшение к своему копыю и не снимал в продолжение всего турнира.

Если во время боя дамы замечали, что кто-либо из участников слишком ослаб, они поручали почетному судье вступить за него. Дамский посредник спускал на такого рыцаря украшение своего копыя, и никто не осмеливался тронуть его более. Сам чепец назывался поэтому *la Mercy des Dames* (дамской милостью).

Остальные судьи турнира имели при себе белые шесты. В правой стороне от них восседал на сером в яблоках жеребце граф Уорвик. В левой – его соперник. Участников турнира заблаговременно разделили на две партии. Так дабы ни одна из них не имела изначального преимущества.

Ричард не имел понятия, случайно ли так произошло или вмешался Невилл. Но Глостер оказался в противоположном лагере и с самим графом, и со своим братом Джорджем. Ловелл остался с ним.

Дик оглянулся. Близ барьера сидел на крапчатой кобыле Эдвард Берн. Герольд держал лошадь в поводу. Сам осужденный смотрел в сторону хвоста. Мужчина казался бледен, зло сжимал кулаки и нарочито глядел лишь перед собой.

Вчера, прежде чем разделить участников на партии, судьи и Уорвик вершили суд. Во время одного разбирались вопросы о проступках, совершенных участниками турнира и подлежащих наказанию.

Первый случай – когда дворянин уличен во лжи и нарушении клятвы – почитался наиболее серьезным. Поправший свою честь рыцарь не имел права участвовать в турнире и должен был быть бит.

Второй: когда дворянин являлся ростовщиком и явно одалживает ради выгоды.

Третий: если дворянин женился на женщине ниже его по происхождению.

Касательно этих трех случаев, первые два не прощались ни при каких обстоятельствах. Они строго осуждались на турнире и считались бесчестными и возмутительными настолько,

что после доказательства вины шлем бросали на землю, а самого бывшего рыцаря избивали всерьез.

Участники турнира хватали и били провинившегося, пока тот не соглашался уступить своего коня и тем самым сдаться. С его седла обрезали подпругу и подвозили негодяя к ограде ристалища. Оставляли там, словно верхового, и держали до самого конца турнира. Жеребца затем дарили трубачам или менестрелям.

Наказание за третий состояло в том, что провинившийся должен быть хорошо бит, пока он не согласится просить пощады. Но его подпруга не срезалась, и он не сажался в седло на барьерах, как за два первых проступка. Вместо этого его сажали на шею кобылы так, чтобы он держался руками за круп. Булава и меч бросались на землю, и конь отводился под уздцы в угол ристалища и держался там до самого конца турнира. Эдвард оказался именно таким осужденным.

Если на турнир приезжал кто-либо неблагородный во всех поколениях, но добродетельный, его не трогали. Лишь принц или великий сеньор имел право поднять на него руку, что почиталось за честь. Этим участник заслуживал право быть на турнире, и с этого мгновения ни здесь, ни где бы то ни было никто не мог порицать его за низкое происхождение. Он мог носить новое навершие или поменять герб, если желает, и оставить их для себя и своих потомков.

Уорвик поднял руку. Рядом выстроилась шеренга его партии. Напротив заняли места противники. Таким образом, бой не превращался в нелицеприятную свалку из коней и человеческих тел. У каждого рыцаря имелся свой соперник. На ристалище проходило несколько поединков одновременно.

Меж партиями натянули разделительные веревки. Они опадут после знака начала.

Ричард присмотрелся. К его глубокому облегчению, соперником не оказался Джордж. Против юноши сидел невысокий рыцарь в почерненных доспехах. Широкоплечий, с длинным мечом. Дикон в сравнении с ним был, словно волкодав против боевого коня.

«Чем противник грузнее, тем с большим шумом упадет, – приободрил себя Глостер. – Разве не это я говорил недавно Ричу? Так вперед... вперед же!»

За широкой спиной соперника маячил оруженосец, готовый поправить доспехи, подать, когда будет необходимость, запасное оружие или поднять своего господина с земли, если противник окажется удачливее и выбьет того из седла. У Дика никого подобного не было, а от услуг Рэтклиффа он заблаговременно отказался.

«Я же не собираюсь валиться под ноги Серри», – рассудил Глостер.

Жажда схватки разлилась по жилам, превращая кровь в жидкий огонь, и опьянила сильнее вина. Пальцы сжались на рукояти копья. Сердце захватил злой азарт. Серри, почувствовавший настроение хозяина, принялся рыть копытом землю.

Наконец почетный судья подал знак начала турнира. Прозвучал клич герольдов. Тотчас веревки, разделявшие рыцарей, опустились, и те понеслись друг на друга под оглушительный рев труб.

Серри сорвался с места. Шлем съехал куда-то назад, закрыв часть обзора. Ричард выругался в голос – все равно никто не услышит. Его предупреждали, что доспех на вырост способен сыграть с владельцем роковую шутку, но юноша не придавал этому значения.

Соперник внезапно возник прямо перед носом. Дик отклонился в сторону, ткнул копьем, боясь не успеть, и с облегчением увидел, как противник повернул.

Одна первая встреча редко решала судьбу поединка. Рыцари съезжались снова, и снова всадники и кони опрокидывались, чаша весов успеха склонялась то в одну, то в другую сторону. Гремели трубы, рыцари выкрикивали имена своих прекрасных дам. Орала в упоении и азарте зрители.

Турнирные судьи зорко следили за действиями каждого из противников. Успехом считалось, если рыцарь сломал копье, попав в туловище противника между седлом и шлемом. Чем выше приходился удар, тем выше его и оценивали. Если рыцарь ломал копье, угодив прямо в шлем противника, это считалось особенным проявлением мастерства.

Дик поворотил Серри. Дал коню немного пробежаться перед очередным разгонным рывком. Улучил мгновение, поправил шлем и заведомо наклонился вперед. Он не собирался допускать ту же ошибку. Соперник уже ждал.

Никто не подал никакого знака. Не взревел крик трубы, и гомон зрителей не стал громче. Но между рыцарями словно промелькнула искра и опала невидимая преграда. Будто, прочтя мысли друг друга, они натянули поводья и дали коням шенкелей.

Дик закричал. Злой восторг, казалось, затопил все его существо. В мире не осталось ничего важнее бешеной скачки, биения крови в висках, тяжести оружия и несущегося во весь опор соперника.

Удар оказался столь силен, что юноша едва не выронил оружия. Рука онемела, и пришлось закусить губу до крови, смирив стон боли. Дважды или четырежды пронесся в голове отзвук ударов сердца, и лишь потом возникло понимание – он усидел. Он остался в седле, а противник повалился наземь! Неизвестный рыцарь кашлял и пытался подняться. Оруженосец, как мог, помогал ему в этом.

«Я победил! – промелькнула в голове шальная мысль. – Но, если он подыметесь, мы станем биться на мечах».

Хотел ли он подобного? Дик не смог бы ответить. Первый запал прошел. Юношу трясло. Дышать стало больно, и это откликнулось почти паническим страхом – вероятно, его противник тоже не промахнулся. Если удар чужого копья достиг груди, кто знает, может, несколько ребер сломано. Подобное нередко случалось во время поединков и...

Но тут рыцарь поднялся, и на мысли не осталось времени. Ричард на мгновение прикрыл глаза. Вздохнул и спешил. Вопреки опасениям, ноги не подогнулись. Он отбросил копье, рука потянула из ножен меч. То же сделал и соперник. Ему досталось намного сильнее, нежели Глостеру. Падение не прошло бесследно, и при каждом шаге рыцаря заметно шатало.

Однако на первом ударе это не сказалось никак. Дик принял его на щит, и тот раскололся. Болью стегнуло по руке, но юноша сумел довершить атаку. Удар Ричарда достиг цели, но оказался недостаточно силен. Клинок лишь мазнул по доспехам.

Рыцарь вновь замахнулся, а Дик устал лишь попытаться увернуться от удара. Он был моложе, легче и быстрее, к тому же не падал наземь. Но силы оказались слишком неравными. Соперник мог убить Ричарда, даже плашмя задев клинком по шлему. Удары же самого Глостера более походили на комариные укусы.

Пот заливал глаза. Дыхание вырывалось с хрипом, и с каждым разом становилось тяжелее вздохнуть. Неизвестно откуда брались силы все еще сжимать рукоять. Ричард увернулся от очередного удара и понял, что больше биться не в состоянии.

Рыцарь в почерневших доспехах замахнулся снова, готовясь нанести последний, решающий удар. Движение казалось медленным, но Дик знал: увернуться не успеет. Как завоженный он смотрел на поднимающуюся руку, и единственное, на что хватило сил и времени, – ткнуть клинком вперед в жесте отчаяния.

Ричард стиснул зубы. Он и сам не знал, чего пытается добиться. Не удар вовсе – то ли желание оттолкнуть, то ли увеличить дистанцию. Но соперник почему-то не успел закрыться щитом. Всем корпусом налетел на острие и отпрянул. Ноги его подогнулись, и рыцарь грузно завалился на спину.

В тот же миг взревели трубы. Избранный судья опустил свой жезл, дав сигнал к окончанию турнира.

Все происходящее далее почти не отложилось в памяти. Вокруг ликовали. Солнце осыпало устоявших на ногах рыцарей золотым светом. Судьи произносили имена победителей, в числе коих оказалось и его. Но Глостер так и не понял, сдержал ли Уорвик обещание и назвал ли его констеблем.

У Дика все плыло перед глазами. Он чувствовал себя, словно в тумане. И очень хотелось упасть и никогда не подниматься вновь. К нему подбежали, помогли стащить шлем. Кажется, Рэтклифф восхищался его последним ударом. Еще Ричард запомнил вскрик какой-то дамы:

— Ах, сколь он юн!

Затем ему помогли забраться на телегу и отвезли в Миддлхейм. Лишь переступив порог своих комнат, Ричард позволил себе потерять сознание.

Глава 8

– Так вот! Удар оказался столь силен, что с рыцаря слетели щит и шлем, а латы треснули. Однако при этом он и сам пострадал, упав с коня. Дикон, ты меня слушаешь?

Джордж распинался более часа. Вероятно, он искренне верил, будто отвлекает Дика от плохих мыслей и боли. И наверняка преисполнялся собственного величия. Ведь, вместо того чтобы готовиться к пиру, герцог Кларенс пребывал у постели больного брата.

У Ричарда раскалывалась голова, но он не смел сказать об этом Джорджу. Тот оскорбится, если попросить уйти.

– Судьи долго решали, кого назвать победителем и в конце концов посчитали проигравшим упавшего. Потому как умелое управление боевым конем – одно из основных военных доблестей истинного рыцаря, – брат поднял указательный палец и погрозил высокому потолку.

Глостер решил пока не интересоваться, отличился ли сам Джордж во время турнира. Будь так, брат рассказывал бы о своей победе.

– И вообще менее постыдно упасть вместе с лошастью, чем быть выбитым из седла, – с уверенностью заявил Кларенс. – Тот, кто красиво и твердо держит копьё, пусть оно и не сломалось от крепкого удара, заслуживает большей похвалы, нежели тот, кто нанес меткий удар, но при этом плохо управлял конем. Ты не согласен?

– Бесспорно, ты прав, – вздохнул Дик.

Брат говорил прописные истины, известные любому изучившему правила турнира. Но сказать об этом Кларенсу было сродни нанесению обиды.

Дик прикрыл глаза. Он испытывал страшную слабость.

– Что с тобой?! – испуганно воскликнул Джордж, схватил за плечи и пару раз встряхнул, вызвав у Ричарда мучительный стон. – Мне позвать кого-нибудь?..

– Нет... – взмолился юноша. – Не надо! Уверяю, мне тебя достаточно. Причем вполне.

Он открыл глаза и потянулся к кубку. Лекарь смешал в нем вино, воду и чудодейственные травы. Осмотрел Ричарда и вынес вердикт: крайнее утомление, вызванное концентрацией и приложением многих сил. С ребрами все оказалось хорошо.

– Вот и молодец! – похвалил Джордж. – Ты пей, пей и не пугай меня больше.

– Ты почему еще не на пиру? – не выдержал Дик.

– Ну... там. Я хочу побыть с раненым младшим братом!

– Я невредим, – заверил Ричард. – Просто устал.

– Вот я и жду, когда ты отдохнешь. Уорвик не знает, как тебе достался подобный соперник, представляешь? Это невероятно, но ты сумел победить...

– Джордж... – он проглотил пряную жидкость, отставил кубок и повалился обратно на кровать. – Про себя я знаю. Опекуну верю. Случайности возможны всегда. Но ты расскажи о себе лучше.

– Ну... там. Дикон, ты только не смейся.

– И когда же я делал это? – высмеивать промахи и неудачи младшего брата входило в привычки Кларенса. Вероятно, именно это стало стимулом к тому, чтобы Дик старался быть первым во всем. – Рассказывай.

– На пиру будут славить победителей, а я... Мне не повезло так, как тебе.

«И слава богу!» – чуть не вырвалось у Дика, но он вовремя прикусил язык. Джордж наверняка не понял бы этих слов.

– И потом... ты ведь знаешь, королевой любви и красоты судьи называли Изабеллу. Она будет награждать отличившихся рыцарей, а ко мне даже не подойдет...

– Неужели ты влюблен?! – Дик приподнялся на локте и с удивлением и удовольствием понял, что чувствует себя намного лучше.

– Мне для того самое время, – фыркнул Джордж. – Мне скоро четырнадцать! В этом возрасте некоторые даже браки заключают!

– Ну, конечно, – примирительно улыбнулся Дик. – Ты зря беспокоишься. Мне кажется, ты тоже приглянулся старшей Невилл.

– А ты – младшей? – фыркнул Кларенс. – Не рассчитывай. Наследство Уорвика я тебе не отдам!

В этот момент скрипнула дверь, и Джордж тотчас замолчал.

– Я вижу, ты снова с нами! – в комнату вошел улыбающийся Ловелл и уселся на край кровати рядом с Джорджем.

– Пойду я, пожалуй, – поморщился тот, – там уже вовсю празднуют... наверное.

От Ричарда не укрылся полный бессильной ненависти взгляд, подаренный Френсису братом. Кларенс немедленно вышел и хлопнул дверью.

Дик удивленно приподнял бровь.

– Благодаря мне означенный герцог оказался выбитым из седла, – злорадно сообщил Ловелл.

После столь показательной демонстрации недовольства, выказанной братом, Френсис выглядел смущенным, оскорбленным и довольным одновременно. И выражение его лица соответствовало моменту. Друг соорудил такую гримасу, что Дик вначале не сумел сдержать улыбки, а затем и громко рассмеялся. Весело и заразительно. Ловелл не смог не присоединиться к нему.

– Я вижу, ты не унываешь и полон сил, – отсмеявшись, заявил виконт. – А я, если честно, решил, будто ты откажешься от моей дружбы.

– С чего вдруг? – Дик стер с лица выступившие слезы. – Хватит с тебя Джорджа. Да и он отходчив.

– О! – Френсис покачал головой. – Вот как раз в отношении герцога Кларенса меня устраивает все. Более чем! Предпочту вежливый нейтралитет, знаешь ли.

– М-мм?..

– Никогда не замечал, как он себя ведет? – продолжил Ловелл. – Стоит к нему обратиться с просьбой, как Джордж подожмет губы и посмотрит свысока с упреком. Чуть что, – сразу Кларенс! Не обратишься, снова обидится. Вскинет голову, а в глазах тот же упрек. Вновь его обошли важным делом! Чем это он заслужил такое недоверие?! Кажется, никогда в помощи не отказывал...

Френсис на удивление точно передал интонации. А уж какую скорчил рожу! Дик упал на подушку, спрятав лицо в ладонях, и безуспешно пытался сдержать хохот.

– Хватит!.. – сквозь смех выдавил он. – Мне и так плохо!

– Э, нет, – заметил виконт. – Тебе хорошо. Допивай и пошли. Нельзя пропускать пиры, особенно когда они устраиваются в твою честь.

Дик окончательно подавил приступ смеха и встал. Голова уже не болела, лишь кружилась немного.

– Только обожди с вином, пока не объявят победителей, – предупредил Френсис. – Не слишком налегай на мясо и, если почувствуешь слабость, немедленно скажи, – наверняка, прежде чем прийти в покои Глостера, друг разыскал лекаря и расспросил со всей тщательностью. Советы благообразного старца, которые тот втолковывал младшему Йорку, совпадали с распоряжениями Ловелла слово в слово. – Зато потом дай себе волю. Если понадобится, я тебя обратно потащу на собственной спине.

* * *

Под громкую музыку труб рыцари вступили в зал, где уже накрыли столы. Облаченные в яркие одежды мужчины занимали места под знаменами со своими гербами. Самым храбрым и отличившимся отводились наиболее почетные.

Дик с радостью понял, что сидеть будет рядом с другом. Ловелл располагался всего через несколько человек от него. При желании они даже могли перекинуться парой фраз. Глостер старался не пить вина, как советовал лекарь. Смотреть на еду не тянуло вовсе. Прислушиваться к разговорам оказалось намного интереснее, чем есть и пить.

– А что Людовик? Народ его не жалует и предпочитает Филиппа, – заметил сосед слева, высокий темноволосый рыцарь вдвое старше Ричарда. – Франция слишком раздроблена и вряд ли в состоянии диктовать свою волю.

– Сейчас, возможно, – возразил сидящий напротив мужчина. Светлые волосы рассыпались по плечам. Острый взгляд серо-голубых глаз устремлен на собеседника, но и на всех сидящих в непосредственной близости. Рыцарь словно постоянно следил, не находится ли рядом какой-нибудь его враг. – Но Людовик хитер.

– Он трус! – вклинился в разговор еще один рыцарь, небольшого роста, зато широкий в плечах.

– И именно это делает Людовика особенно опасным, – произнес светловолосый и неожиданно обратился к Дику: – Таких людей нельзя недооценивать, мой юный принц, помните об этом.

– Помилуйте, зачем мне опасаться того, кого я даже не знаю? – Ричард хотел отшутиться, но улыбка невольно померкла, стоило холодно-стальному взгляду пробежаться по его лицу.

Некоторое время незнакомый рыцарь вглядывался, словно стремясь прочесть мысли Ричарда, затем ответил:

– Зато он знает вас. И более того, вы мешаете ему.

– Чем же? – рассмеялся рыцарь слева.

Светловолосый не обернулся, продолжая смотреть на Дика и говорить только с ним одним:

– Вы забыли об исконных землях Плантагенетов...

– И мы отвоюем их! – воскликнул Ричард.

– Непременно!

– Да!

– Во имя Англии! – поддержали его сидящие поблизости рыцари.

– Вот вы и ответили на собственный вопрос, мой юный принц, – заметил светловолосый. – Именно потому не удивляйтесь, когда король Франции попытается сжить вас с братьями со свету. Он ненавидит вас уже сейчас, в день вашего триумфа.

Дик вздрогнул. Слова неизвестного показались дурным пророчеством:

– Я сделаю все от меня зависящее...

– Непременно, – рыцарь поднялся и спешно вышел из зала.

– Кто он? – голос дрогнул, но Дик даже не заметил этого.

– Гвэндин Довад, – пожал плечами кто-то из сотрапезников.

– Не обращайте внимания на его слова, – усмехнулся темноволосый слева. – Все шотландцы безумны.

Ричард вздрогнул вторично. В голове молотом отдавалось: «Неизвестно, что взбредет в голову этому сброду»... Неужели и то нападение разбойников могло оказаться покушением

со стороны французского короля?.. Нет! Это невозможно. Как можно убивать исподтишка тех, кто лично тебе не сделал ничего плохого?!

– Я должен поговорить с ним, – он собрался последовать за шотландцем, но трубы возвестили о приостановке пиршества. Пришлось остаться на месте.

Герольды торжественно представили дамам самых достойных рыцарей. Услышав свое имя, юноша поднялся со своего места, чтобы на него могли посмотреть. По залу пронесся удивленный шепот, а Уорвик, как и обещал, во всеуслышание объявил Ричарда констеблем Корф-Кастла.

Все время чествования Дик не отводил взгляда от Анны. Девочка сидела рядом с сестрой и улыбалась. Пусть не она оказалась избранной королевой турнира, это не значило ничего. Для Ричарда она являлась большим – дамой сердца.

Со своего места поднялась Изабелла и, плавно прошествовав по залу, одарила призами коленопреклоненных рыцарей. К каждому из них она обращалась с особой похвальной речью.

Изначально участники турниров не только демонстрировали свою доблесть и отвагу. Рыцари могли и неплохо улучшить свои дела. Победитель получал доспехи и лошадь проигравшего соперника. Их стоимость ценилась невероятно высоко, колеблясь от тридцати до пятидесяти голов скота. Более того, в плен брали и самого поверженного в надежде получить за него выкуп.

Знаменитый Уильям Маршалл, возглавивший впоследствии конную стражу короля, сколотил на турнирах целое состояние. За десяток месяцев 1177 года он пленил сто три соперника.

Лишь в XIII веке этот обычай стал символическим: победитель получал только часть доспеха, например шпору или плюмаж шлема. Но в это же время устроители турниров стали награждать победителей из своих средств. Подарки были почетными и часто дорогостоящими: доспехи, боевые лошади, оружие, кубки, охотничьи соколы. Уорвик тоже не поскупился.

Френсис получил пиршественную чашу, инкрустированную драгоценными камнями. Дик – дагу в посеребренных ножнах, усыпанных россыпью сапфиров и бриллиантов. Раньше кинжал для левой руки, как окрестили его испанцы, считался оружием простолюдинов, но с началом века стал распространен среди рыцарей. В Англии основным его применением стал удар милосердия, прекращающий муки смертельно раненного противника. Ричард обнажил клинок. Тот оказался узок и короток и казался особенно хрупким в сравнении с усиленной гардой.

– А ваш опекун любит глаголить без слов, – заметил рыцарь слева. Он получил из рук Изабеллы золотую шпору.

– Что вы имеете в виду? – юноша нахмурился.

– Ваш соперник вряд ли увидит рассвет.

Стоило Изабелле удалиться, как зазвучали песни менестрелей, прославлявших подвиги, храбрость, отвагу и настоящую любовь. Однако Дик не мог больше радоваться. На душе стало мутно и беспокойно.

Он сидел, переводя взгляд с одного пирующего на другого. А когда увидел знакомого оруженосца, нервно передернул плечами. В тепло натопленной зале словно подул пронизывающий ветер, и стало холодно.

– Мой господин просит вас пройти к нему, – произнес оруженосец. Он оказался выше и немного старше Глостера.

Дик поднялся и, не произнеся ни слова, отправился за ним.

Комната раненого была просторной, но приглушенный свет, духота и запах лечебных настоек превратили ее почти в келью. У Ричарда закружилась голова, напомнив о сегодняшнем бое, но он смог взять себя в руки и войти.

На кровати распростерся человек. Немолодой. Голова в неверном свете казалась седой, а кожу на лбу расцертили то ли морщины, то ли застарелые шрамы.

– Не бойся и подойди, – тишину разрезал хриплый, но все еще полный внутренней силы голос. – Я хотел лишь посмотреть. Мне сказали... я не поверил, что меня победил мальчик.

Дик повиновался, присев в изножье постели.

– Ты Ричард. Принц, доверенный графу Уорвику в обучение, верно?

Юноша кивнул, говорить что-либо показалось ему неуместным. Дик не видел повязок на теле рыцаря, но это ничего не значило. Могло начаться внутреннее кровотечение, а подобное намного опаснее открытых переломов и ран.

– Ты очень храбр для своих лет и невероятно силен, Ричард. Запомни мои слова, когда ты вырастишь, не каждый рыцарь отважится выйти против тебя, – мужчина помолчал. – Однако не всякую битву можно выиграть. Иной раз необходимо отступить или даже сдаться на милость победителя...

– Нет! – Дик и сам не понял, как выкрикнул это. Хотел же выслушать волю умирающего спокойно и с достоинством. Однако внутри уже поднялась уязвленная гордость. Стыд и ярость опалили щеки.

– Это твой первый бой, мальчик. Будут еще.

– Все равно, – повторил Ричард со всей присущей ему твердостью. – Для меня плен неприемлем!

Рыцарь не стал спорить, лишь поднял руку, подзывая кого-то.

Из темноты соткался силуэт оруженосца. Каким образом тот оказался в комнате, Дик не понял. Герцог был полностью уверен, что проводивший его юноша остался за дверью.

– Отдай ему.

Оруженосец отвернулся к небольшому низкому столику, уставленному склянками, чашами с протираньями и настойками. Когда он выпрямился и шагнул к Дику, то сжимал в руках амулет – небольшой мешочек на тонком шнуре.

– В нем святая земля. Храни... И передай достойному.

Ричард принял реликвию с почтением, но надевать не стал. Это показалось неправильным.

– Я погибну в бою, это лучше бесчестья, – произнес он едва слышно. – К тому же... Плен не гарантирует сохранения жизни. Однако, – голос Дика обрел силу, – в таком случае я могу не успеть исполнить вашу просьбу.

– Храни, – усмехнулся рыцарь. – От поверженного к победителю должна перейти хотя бы одна вещь. Но мой доспех цел, да и шпоры на месте, – он окинул Дика внимательным взглядом и хитро прищурился. Светло-голубые глаза смеялись, их не трогала муть обморока или агония боли. – К тому же я при всем желании не могу представить тебя срывающим плюмажи со шлемов побежденных.

Дик потупился:

– Как скажете. Я исполню вашу просьбу.

Обратно его провожал тот же оруженосец.

– Твой господин умрет? – решил спросить Ричард.

– На все воля Божья, – ответил тот. – Сэр Томас посвятил меня в рыцари после боя, и я надеюсь оправдать его доверие!

– Прими мои поздравления, сэр...

– Уильям, – бросил бывший оруженосец.

– Сэр Уильям, – повторил Ричард и потянулся к поясу. Он так и не решился надеть реликвию умирающего. – Тогда это твое.

Новопосвященный рыцарь застыл на месте и уставился на Дика. Лицо отразило неподдельное волнение и бурю эмоций. Радость, неверие, гнев и непонимание попеременно сменяли друг друга.

– Он сказал, чтобы я передал его достойному, – объяснил Ричард. – Но я вижу такового перед собой. Сейчас. И мне незачем ждать следующей встречи.

Уильям преклонил колени и потянулся к мешочку чуть подрагивающими пальцами.

– Я готовлюсь к походу в Святую землю, – признался он.

– Да будет так, – Дик вложил реликвию в руки рыцаря, улыбнулся и быстро ушел. Более герцог Глостерский никогда не встречал ни сэра Томаса, ни его бывшего оруженосца.

Глава 9

В 1463 году Ланкастеры возобновили военные действия на севере Англии. Рассчитывая на реванш, королева металась между Шотландией и Францией, пытаясь найти союзников и получить военную помощь для короля Генриха VI.

Тем временем герцог Сомерсет и сэр Ральф Перси сдали йоркистам замки Бамбург и Дунстансборо, поклявшись в верности Эдуарду IV. Однако Маргарита Анжуйская организовала новый заговор на севере Англии и привлекла на свою сторону Сомерсета. Герцог предал и поднял восстание.

Граф Уорвик отправился на север, чтобы подавить этот мятеж, а его брат, Джон Невилл, лорд Монтегью – на границу. В его обязанности входило эскортировать шотландских представителей в Йорк для обсуждения условий возобновления мирного договора.

Следуя в Ньюкасл, Джон Невилл чудом избежал засады, устроенной Сомерсетом. Позднее лорд Монтегью был атакован объединенными силами герцога и Ральфа Перси при Хеджли Мур, примерно в семи милях к югу от Вулера.

В апреле 1464 года ланкастерские повстанцы удерживали многие приграничные земли и города на рубеже Англии и Шотландии. Понадобилось провести набор новых и свежих сил, и Эдуард впервые обратился за помощью к своему младшему брату Ричарду.

Сам Дик не подозревал об этом. Он шел длинным коридором, щурясь от тусклого и неверного света. Факелы горели через один. Вчера в Миддлхейм внезапно возвратился Невилл, и Ричард хотел серьезно поговорить с ним. Отсиживаться в замке во время боевых действий Глостеру казалось сродни преступлению.

Он свернул в малозаметный и еще хуже освещенный проход, добежал до двери и остановился, смирив сбившееся дыхание. Из залы до него донеслись голоса.

– Я старше! Я опытнее... Я!.. – шипел первый, принадлежащий, по всей видимости, Джорджу.

По интонациям Ричард понял: Кларенс вне себя от злости.

– Не кричите на меня, герцог. Я здесь ни при чем, – одернул его негромкий голос Уорвика. Ричард представил, как опекун поморщился от резких визгливых ноток, порой перебивающих шипение брата. С некоторых пор гримаса недовольства вошла у Невилла в привычку, проявляясь в основном при общении с Джорджем. – Данное решение принадлежит королю, только ему и никому более.

– Блажит братик! Любимчику все...

– Хватит! – Уорвик слегка повысил тон, и Кларенс умолк незамедлительно. – Лучше подумайте, кого выставляет Его Величество против матерых волков со стальными клыками? Неопытного, не побывавшего в переделках мальчишку в доспехах, сработанных на вырост.

– Эдуард не может хотеть смерти Дикона! – потрясенно проговорил Джордж.

– Он ее и не хочет. Так или иначе, но Ричарда ваш брат искренне любит. Лучше поразмышляйте над тем, почему он обратился к Глостеру, а не к вам.

– Я... Я...

– Потому что Ричард наипервейшей целью своей жизни считает служение королю. Он никогда не пожелает сместить его или возложить корону на свою голову...

– Для этого ему пришлось бы убить меня! – с вызовом заявил Кларенс.

– И даже это... – создатель королев выдержал небольшую паузу, – не обязательно, если бы на месте Ричарда находился кто-либо другой. Вы попросту не заметили бы, как вас отстранили.

Кларенс фыркнул.

– Глостер способен принести пользу королю и не является человеком, вызывающим опасений, – продолжил Уорвик. – Он – идеальный исполнитель. Не более! Принимать решения самостоятельно он неспособен. Я в том готов поручиться. А потому пусть отправляется на свою первую войну. Я не желаю ему смерти, но...

Дик отпрянул от двери, словно ту внезапно охватило пламя, и, резко развернувшись, кинулся в свои покои. После услышанного следовало успокоиться. Для разговора с графом найдется лучшее время.

Ричард рухнул на кровать, спрятав горящее лицо в ладонях. Он сам не знал, отчего ему так плохо. Ведь следовало радоваться – Эдуард наверняка нашел для него дело. Но оценка, походя данная опекуном, ранила слишком сильно. Неужели, Уорвик действительно считает его негодным?

Минул час, и за ним прислали слугу.

– Его Величество Эдуард IV, – объявил Уорвик безразличным тоном, – узнав о рвении послужить Англии со стороны своего младшего брата, облагодетельствовал Ричарда герцога Глостера новой милостью. Ныне он назначен уполномоченным по набору войск в девяти графствах. Король также поручает ему очистить Нортумберленд от ланкастерских сил в кратчайшие сроки.

Дик сдержанно поклонился:

– Я оправдаю доверие короля. Клянусь!

Он вышел от опекуна и отправился к себе, чтобы наскоро собраться. Ему предстояло еще проститься с Анной и друзьями.

Джордж вынырнул из-за угла столь неожиданно, что едва не сшиб его с ног. Ухватил за запястье и потащил, ничего не объясняя. Пнул дверь своей комнаты, впихнул туда Дика и, схватив за плечи, ощутимо приложил о стену.

– Что... – сипло проговорил Глостер, когда смог отдышаться. Удар о камень выбил из груди весь воздух, – ты... делаешь?..

– Ты согласился? Согласился! Верно?! – выкрикнул брат. Лицо Джорджа, перекошенное от ярости, показалось Ричарду совершенно незнакомым.

– Какой бес в тебя вселился?! Дверь хотя бы закрой... иначе сюда все слуги сбегутся вместе с охраной.

– Дикон! Дьявол тебя заberi... – Джордж выпустил его, от души хлопнул дверью и спросил немного спокойнее: – Ты едешь на войну?

– Я не могу ослушаться приказов короля, – ответил он. – Я рыцарь и принес клятву верности. Кроме того...

Джордж снова приложил его о стену. Дик с шумом вдохнул показавшийся колючим воздух. От вцепившихся в плечи пальцев наверняка останутся синяки, но это меньшее, что его сейчас волновало.

– Клятву! Рыцарь!.. – Кларенс громко захохотал, вот только радости в его смехе не ощущалось. – Дикон, тебе двенадцать исполнится лишь через полгода!

– Нечто похожее ты говорил мне перед турниром, – Дик не сопротивлялся, да и не хотелось ему этого.

– Я не желаю твоей гибели! – Джордж устало опустил руки и отошел. – Ты же мой младший брат! Я о тебе заботиться обязан. Я всегда о тебе заботился!

Дик кивнул:

– Знаю.

– А потом... все твои заявления... В плен ты не сдашься и не видишь для себя иного выхода, как погибнуть в битве...

– Говорил и говорю, – Дик отошел от стены и поправил сбившуюся одежду. – Я не допущу для себя той смерти, на которую обрекли отца и Эдмунда. Но это вовсе не значит, будто я тороплю собственную кончину. Поверь, я вернусь с победой и женюсь на Анне!

На лице Джорджа застыло недоверие, но противостоять Ричарду он более не соби-
рался. Дик горячо обнял брата и вышел за дверь. Планы не изменились. Его ждал Нортум-
берленд.

* * *

Король рискнул и не прогадал. Ричард провел свою первую кампанию блестяще. Вме-
сте с Уорвиком он осаждал неприступные каменные твердыни, построенные еще бриттами
и норманнами для защиты от викингов. И они ему покорялись, сдавались, капитулировали.
В истории каждого замка написано: *«В 1464 году захвачен войсками йорков»*.

Дик участвовал в боях наравне со всеми. И над полями Северной Англии, и над сте-
нами покоренных замков звучал звонкий возглас:

– Loyalty me lie!

– LOYALTY ME LIE!

– Верность меня обязывает!!!

По окончании боевых действий Ричард вернулся в Миддлхейм, а путь графа Уорвика
лежал во Францию. Невилл намеревался сосватать для Эдуарда свояченицу Людовика XI,
принцессу Бону Савойскую. В согласии короля он не сомневался и, вероятно, потому не
известил о взятой на себя миссии.

– Поверь моему слову, – сказал тогда Ричарду седоволосый ветеран с перевязанной
рукой. В прошедшем бою он закрыл собой юного Глостера. – Очередная французская вол-
чица не сядет на английский престол.

Дик поверил. Уорвик же не слышал этих слов. В правоте ветерана он мог убедиться
много позже.

Когда принцесса Бона Савойская занесла руку для подписи брачного контракта, за две-
рями послышались шум, лязг оружия и крики. Приехавшие из Англии гонцы сообщили ей
о том, что место королевы Английской уже занято, предложение отменяется и рассмотрено
быть не может.

Уорвик был вне себя и пришел в еще большую ярость, когда узнал, на ком именно
женился молодой король.

На ту пору в Англии почти не осталось родовитых девушек на выданье. Многие
погибли во время войны, других не уберегли в качестве невест, подходящих для высокород-
ных юношей. Но Эдуард IV отказался считаться как с этим, так и с традицией королевских
браков, принятой задолго до его рождения.

Весной 1464 года в его покои вошла вдова мелкопоместного рыцаря сэра Грея, мать
двоих детей Елизавета Вудвилл. Немногие могли назвать ее красавицей, да и короля она
была старше на пять лет.

Гонимая нуждой женщина пришла на прием к Его Величеству с просьбой вернуть ей
земли мужа, отобранные после его гибели в сражении при Сент-Олбенсе. Она представила
подложные документы по этому делу. По ним значилось, будто сэра Грея звали не Джоном, а
Ричардом – благословенным именем для всех, сражавшихся за Йорк. И погиб он не на сто-
роне Ланкастеров, а сражаясь за партию Йорка. Документы следовало проверить в архивах,
но вдова в приватной беседе упростила короля сделать для нее исключение.

Елизавета вошла в залу никем, а вышла королевской невестой.

Многих повергло в изумление такое решение Эдуарда. Подобный брак казался невыс-
шим. Он заключался против всяких правил, и рано или поздно его все равно признали бы

незаконным. Однако король настоял на своем и 1 мая 1464 года сочетался с Елизаветой Вудвилл законным браком, потеряв тем самым ряд сторонников.

В королевском дворце и за его пределами событие породило множество слухов. Казалось, не существовало тех, кто ни старался бы объяснить причину столь странной и скоропалительной женитьбы короля, равно как и непостижимо странное влияние на него немолодой и малопривлекательной супруги.

Появились те, кто неприкрыто называл королеву ведьмой или же женщиной, прибегнувшей к волшбе. Но были и те, кто считал Елизавету набожной и добродетельной. Они уверяли: леди Вудвилл оказалась не так сговорчива, как предыдущие фаворитки Эдуарда, и отказывалась ему уступать до тех пор, пока тот не женился на ней. Их версию разбила в пух и прах сама жизнь. Первый общий ребенок Елизаветы и Эдуарда – девочка – появился на свет через пять месяцев после свадьбы вполне доношенным.

Глава 10

Уорвик вне себя от ярости ходил по пиршественной зале Миддлхейма. Ни воспитанники, ни его дочери не могли припомнить графа в подобном состоянии.

– Немыслимо! – вещал он. – Невозможно!..

Время от времени он бросал взор на дочерей. Потом охватывал взглядом герцогов.

– У меня две дочери, – говорил он, – две красавицы! Лучшие, знатнейшие и богатейшие невесты в Англии!

Раньше он старался не хвалить их прилюдно и тем более в глаза. Услышав подобные речи, Изабелла схватила Анну за руку и поспешила выйти.

– Я сам был бы не прочь видеть одну из них королевой, – Уорвик их ухода не заметил, как, должно быть, не обращал внимания на присутствие в зале молодых людей. – Тем паче моя четырнадцатилетняя Изабелла уже обращала на себя внимание Эдуарда!

Джордж, слышав эти слова, стиснул кулаки и скрипнул зубами. Гостивший в Миддлхейме король однажды так приударил за Изабеллой, что меж братьями едва не возникло ссоры.

– Но не пристало королю жениться на дочери графа! Принцу куда ни шло, сыну герцога... – Невилл на мгновение остановился, взглянул на Дика и повторил: – Сыну герцога жениться на графской дочери в самый раз!

Когда-то, еще при жизни герцога Йорка, состоялся разговор о будущих бракосочетаниях. Младшие сыновья Ричарда и дочери Уорвика, по возрасту и происхождению столь подходящие друг другу, могли бы составить две идеальные супружеские пары. С тех пор граф не желал лучшей партии для Изабеллы и Анны. Потому он и не препятствовал их дружбе с принцами в Миддлхейме.

– И ведь не личностные мотивы. И не жажда богатства толкали меня под руку! – продолжал Невилл. – А лишь восстановление добрососедских отношений между Англией и Францией. Брак Эдуарда IV с принцессой Боной упрочил бы мир между державами и положил конец их многовековым раздорам.

Причитания могли продолжаться еще очень долго. К тому же Уорвик никого не держал. Очень медленно Джордж, а затем и Ловелл потянулись к выходу. Рэтклифф глянул на «своего принца» и, получив одобрителный кивок, поспешил следом за ними. Дик остался в зале. Казалось, Невилл сосредоточенно говорил для него одного.

– И все! Все пошло прахом из-за короля Эдуарда, который внезапной женитьбой не только свел на нет все усилия, но и меня самого лишил дипломатических прав и неприкосновенности. Если нет миссии, то нет и дипломата, а значит, нет и дипломатических прав! А есть только частное лицо, несчастный граф Уорвик, добровольно примеривший шутовской колпак.

Ричард передернул плечами. Свой давний сон, привидевшийся еще в бургундском изгнании, он помнил во всех подробностях.

– И теперь я самолично должен нести ответственность за свои посреднические инициативы и за безрассудное поведение короля!

Дик мог бы напомнить о том, что инициатива действительно исходила только от опекуна, но не стал. Уорвик и без этого выглядел подавленным.

– И ладно бы кто-то достойный, но Вудвилл! Происхождение этой дамы, возможно, и высоко, но весьма сомнительно, – Уорвик подошел ближе, заглянул в глаза и понизил голос. Он будто посвящал подопечного в страшную тайну. Рассказывал нечто, предназначенное для него одного. – Поскольку брак ее родителей, сэра Ричарда Вудвилла и герцогини Жакетты Бэдфорд, был заключен не по правилам.

Дик вскинул бровь. Он пока не решил, должна ли клятва, данная брату, распространяться и на его жену. Она, конечно, королева Англии, но Глостер не желал защищать ее.

На душе скреблись кошки. Ричард не знал и не желал знать свою новую родственницу. Он слишком привязался к Миддлхейму, графа он уважал, а Анну любил искренне и нежно. Он мог понять обиду, испытываемую Уорвиком. Но и от обещания всегда и во всем держаться брата отступить не смел. Будь королева хоть ведьмой, хоть самым исчадием ада, Дик не покинул бы Эдуарда.

— Сэр Ричард Вудвилл являлся на тот момент скромным дворянином из свиты вдовствующей герцогини Бэдфорд, — Уорвик бросился в кресло, развалился в нем, скрестив руки на груди, и принялся за рассказ. — Он женился на своей госпоже тайно, а когда пришел требовать ее приданое, разразился скандал. Вудвилла за нарушение рыцарской присяги арестовали и препроводили в тюрьму. Впоследствии его помиловал король Генрих VI, чья безумная матушка аналогичным образом вышла замуж за своего охранника. Данного сэра вместе с женой отослали в замок Графтон, где тот и произвел на свет многочисленное потомство, постоянно нуждающееся в средствах к существованию.

Слова казались злыми и несправедливыми, но Дик не смел перечить.

— Помяни мое слово, свора Вудвиллов разорит Англию! — заверил Уорвик. — Эта женщина никогда не станет своей при дворе. Ей придется воевать против всех. Она, подобно Маргарите Анжуйской, станет низводить врагов. И я, сказать по чести, не знаю, кто из этих стервятниц хуже.

— Граф! — воскликнул Дик, но тотчас замолчал, стоило Невиллу поднять руку.

— Маргарита иностранка, и она одна. Эта же подтянет в Лондон всех родичей от мала до велика! Вместе они станут выбивать все новые и новые привилегии из короля. Каждый день, час, минуту Вудвиллы будут ожидать расторжения брака и рвать, рвать, рвать, точно волчья стая, дорвавшись до стада! Коня загонит нищий, сев верхом!

Опекун распалялся все сильнее. Он краснел, заглядывал в глаза и наверняка ждал одобрения. А Дик только молчал, бледнел и боялся, что кузен обезумел.

* * *

Вскоре в замок прибыл гонец с предписанием герцогу Глостеру оставить гостеприимный Миддлхейм и отбыть к королевскому двору.

В этот раз Дик не стремился покинуть замок столь стремительно, как в день, когда отправился на свою первую войну. После памятного разговора в гербовой зале Уорвик сильно изменился. Стал замкнут и задумчив. Он, конечно, извинился за свое поведение, но не за слова. Гнев на Эдуарда никуда не делся, и если ранее Кингмэйкер намеревался править из-за спины молодого короля, то теперь убедился в полной невозможности этого.

Дик чувствовал: стоит ему уехать, и все изменится, а по-прежнему не станет уже никогда.

— Сэр рыцарь, — Анна казалась расстроенной. Они медленно прогуливались по саду. Девочка мяла в руках подол платья, но не замечала этого. На Дика она предпочитала не смотреть. — Ты покидаешь нас?

— Я не могу ослушаться приказа короля, а он велит мне прибыть в Лондон, — ответил Глостер и зачем-то добавил: — сколь можно скорее. Я не могу задержаться и на день.

— Мне мало говорят, — вздохнула девочка. — Изабелле известно больше, но она считает меня маленькой и не делится. Но почему-то мне кажется, ты не просто уезжаешь, Дикон.

Она остановилась. Ричард, предвосхитив ее желание, снял плащ и кинул его на землю. Затем помог девочке сесть, сам опустившись на колени рядом.

– Анна, – произнес он. – Не заставляй меня выбирать между долгом перед братом и любовью к тебе. Это нечестно!

– Я ни о чем таком и не прошу, – девочка нахмурилась.

– Но думаешь! И от этого мне больнее всего, – он прикрыл ладонями лицо. На нем могло отразиться слишком многое. – Я принес клятву верности Эдуарду. Но с тобой меня связывает гораздо большее. Мое слово и рыцарская клятва вечной любви.

– Тогда поезжай, – Анна едва ощутимо дотронулась до его руки. – Я верю, ты найдешь меня, когда сможешь.

– Даю слово, – Дик поймал ее кисть и поднес к губам.

* * *

Вот и все. Ричард оглядел свою комнату, уже, по всей видимости, бывшую. Прошелся по ней, поочередно дотрагиваясь до стола, кровати, кресел, стопки старых книг, оконных створок... Он не замечал за собой привычки привязываться к вещам, но Миддлхейм стал для него домом.

– Уезжаешь? – в комнату проскользнул Джордж, уселся на кровать, буравя младшего недовольным взглядом.

– Я должен, Эдуард ждет меня.

– Должен. Должен. Должен! – брат перешел на крик. – Только это от тебя и слышно!

– А ты? – поинтересовался Дик как можно спокойнее. Он не желал ссориться, особенно перед разлукой. – Остаешься.

– Да, – твердо ответил Кларенс. – Эта... так называемая королева наверняка увидит во мне угрозу. Я следующий после Эдуарда претендент на престол!

– Может быть, это и разумно, – Дик повел плечом, потом смерил брата заинтересованным взглядом. – Это твое решение или... Уорвика?

– Кузен – выдающийся политик. И он превосходно чувствует ситуацию.

– Я не спорю с этим, – вздохнул Ричард. – Но как быть... с верностью?

– И в этом тоже весь ты! – Джордж встал, обнял младшего брата за плечи. – Дикон, легенды – это замечательно! Двор короля Артура. Прекрасная дама. Подвиги во имя любви и чести. Но это не жизнь! Вокруг, – он махнул рукой куда-то за спину, – жизнь. И в ней возвышенным чувствам иной раз не хватает места.

– Я не спорю, – повторил Ричард. – У меня просто не получается иначе.

– Верность тебя обязывает?

– Loyalty me lie.

Джордж кивнул и отошел в сторону:

– Зайди к нему.

– Конечно. Я не уеду, не попрощавшись.

В том, что Уорвик его ждет, Дик не сомневался, а потому покинул Джорджа и вышел. На душе скреблись кошки, и сердце то частило, то пропускало удары. Он притормозил возле двери со знакомыми завитками. Дотронулся до ручки. И, задержав дыхание, словно перед прыжком в ледяную воду, вошел.

– Герцог Кларенс оказался неубедителен, раз ты здесь, – Уорвик восседал в глубоком кресле, возложив одну руку на стол. По гладкой столешнице были разбросаны свитки и перья. Одно из них, темно-серое, стояло воткнутое в чернильницу в виде ставшего на задние лапы медведя. – Полагаю, отговаривать тебя от поездки бесполезно.

Ричард склонил голову.

– А предложение покинуть Эдуарда, как уже сделали многие его сторонники, ты сочтешь предательством.

– Именно так, граф, – Дик вскинул подбородок, и отросшие волосы стегнули его по плечам.

– Не следует смотреть так, словно ожидаешь вызова или плена. Мы воевали бок о бок, герцог Глостер, – проронил Невилл. – Я не считаю тебя своим врагом.

– Но вы считаете таковым брата!

Уорвик вздохнул. Кузен выглядел уставшим, словно не спал целую ночь. Под глазами залегли тени, и нездоровая бледность разлилась по щекам.

– Ваше пленение мне не даст ничего, – усмехнулся бывший опекун. – Подобное недалёковидно и только настроило бы вас и Эдуарда против меня. Однако я надеюсь на ваше благоразумие, герцог. Отправляйтесь в столицу. Посетите Вестминстер и хорошенько подумайте, действительно ли вы желали подобной судьбы. Для себя, для Англии... для родичей и для своих будущих детей. И тогда, возможно, мы поговорим вновь. Доброй дороги, Ричард.

– Прощайте, граф.

Глава 11

Вестминстер был мрачен, несмотря на частые пиршества, королевские выходы и балы. Поначалу Ричард никак не мог привыкнуть. Потом освоился. Оказалось, здесь не так уж и плохо.

Внешне молодая королева скорее понравилась герцогу Глостеру. Сочетание рыжих волос, светлых глаз и аристократичных черт казалось весьма привлекательным, хотя Дик никогда не выбрал бы себе подобную невесту. Елизавета обладала поистине чудовищным влиянием на брата. Эдуард не мог ей отказать ни в чем.

Как и предрекал Уорвик, королева прибыла ко двору в окружении многочисленной родни. Незнатные дворяне принялись обрывать привилегиями и землями. Сестра королевы, Кэтрин, вышла замуж за герцога Бэкингема, который был на дюжину лет младше нее. Двадцатилетний брат Джон пленил сердце восемнадцатилетней вдовствующей герцогини Норфолк. Неудивительно, что Елизавета и ее семья заслужили враждебное отношение со стороны старой знати.

И не только из-за внезапного величия. Ветераны старых битв, буквально на собственных плечах вознесшие Эдуарда к трону, прозябали в разоренных войной владениях. Влачили почти нищенское существование, а король ничего не предпринимал, дабы воздать им по заслугам.

Ричарду было плевать на титулы семейства Вудвиллов, но он не мог допустить несправедливости в отношении соратников. Тех, с кем успел ощутить ярость схватки и радость победы.

Дик передернул плечами и отошел от окна, из того нестерпимо дуло. Однако он не зря выбрал место вдалеке от столов и танцующих пар. Сегодня ему не хотелось развлекаться, и почти за весь вечер принца не побеспокоил никто. Даже племянница королевы, время от времени бросающая красноречивые взгляды в его сторону.

Помнится, наличие при дворе многочисленных девиц и дам, готовых уделить внимание даже тринадцатилетнему герцогу, оказалось первым впечатлением, поразившим Глостера в Лондоне. Видимо, дела в королевстве обстояли действительно плохо, и никто не был уверен в завтрашнем дне.

– Ричард, вы скучаете!

Дик вздрогнул и обернулся. Ее Величество проследовала через весь зал, покинув восседавшего на троне мужа. Елизавета слегка хмурилась и поджимала тонкие губы. Ее волосы, уложенные в замысловатую прическу, казались почти красными в свете огней. Платье, расшитое золотом и драгоценными камнями, колыхалось при каждом движении.

– Вовсе нет, Ваше Величество, – Дик поклонился как можно почтительнее и подал руку недавно обретенной родственнице.

– Я хотела бы поговорить с вами, – тотчас перешла к делу Елизавета. – На правах старшей сестры.

Нежелание ходить вокруг да около, неспешно беседовать о погоде или каких-либо иных малозначащих вещах являлось одним из неоспоримых достоинств этой женщины. С Ричардом она всегда говорила прямо.

– Конечно, Ваше Величество, – юноша снова поклонился.

Если бы королева могла выбрать себе девиз, то у Елизаветы он звучал бы: «Одна против всех». Она приняла его безропотно и следовала ему с настойчивостью, требующей лучшего применения. В бой за себя и родных она бросалась с ожесточением, вызывающим невольное уважение даже у врагов. Но средства, к которым прибегала Вудвилл, никто и никогда не назвал бы достойными.

Ричарда от ее гнева пока спасали строгое соблюдение этикета, нарочитая почтительность и любовь Эдуарда. Во время любой склоки или скандала, которых, видит Бог, Дик старался избегать всеми силами, брат неминуемо вставал на его сторону.

– Но сначала... – королева хитро прищурилась.

По велению ее руки заиграли лютни и флейты. Под сводами дворца разлились первые аккорды величественной паваны. Медленный истинно королевский танец, который танцевали крестоносцы перед тем как отправиться в Святую землю, не сбивал дыхания и не препятствовал разговорам.

– Я вызвал ваше недовольство, госпожа?

Королева сильнее оперлась на его руку. Юноша неспешно повел ее по залу, ловя на себе внимательные взгляды придворных.

– Если вы и далее продолжите действовать в том же духе, то поставите Глостер на грань разорения! – поворот. И снова плавные шаги, словно скользящие над полом. – Подумайте, в какое положение вы ставите короля!

Павана не подходила Елизавете. Как и карола – танец-шествие, распространенный по всей Европе.

– Я не бедствую, Ваше Величество, – в этот момент Дика искренне расстраивал неспешный темп танца. При дворе Филиппа Доброго он видел вольту и калату. Танцуя их, королева не смогла бы говорить столь длинно, да и сам разговор очень быстро сошел бы на нет.

– О, поверьте, при ваших чаяниях за судьбы обедневших йоркистов вы разоритесь очень быстро. И рано или поздно Эдуарду придется поддерживать вас, дабы не дать умереть с голоду!

Их руки разомкнулись. Поворот, уже в одиночестве. Шаг в сторону. Тело действовало само, повторяя давным-давно заученные движения.

– Прошу вас, Ваше Величество, не беспокойтесь о моей судьбе, – произнес Ричард, обходя Елизавету. Теперь они шли бок о бок. – Пока мой брат в угоду тех или иных причин не может оказать поддержку соратникам, за него это сделаю я.

Королева сбилась с шага. На щеках выступили красные пятна, но она поразительно быстро пришла в себя.

– Война, герцог. Казна разорена! А у Эдуарда...

Поворот и шаг в сторону. Замереть на миг.

– Много государственных дел, – закончил за нее Ричард, вновь подавая Елизавете руку. – Но люди, хранящие верность короне...

– Служить надо не за деньги, а из верности присяге! – Вудвилл перебила его, недослушав.

– И это бесспорно, Ваше Величество, – теперь он снова вел ее и почти не скрывал радости от скорого окончания танца. – Полагаю, вас не интересует тот факт, что эти люди сражались со мною рядом и часто прикрывали от врагов?

– Вы правы, меня это не интересует, – музыка стихла, и Елизавета вырвала у Ричарда свою руку, но не отступила и не ушла. Продолжила стоять, сверля юношу взглядом.

У этой женщины со временем появилась не слишком приличная привычка смотреть подданным в глаза. Встанет напротив, как сейчас, дождется, пока вельможа отведет взгляд, и скажет металлически жестким тоном: «Я ему не верю!» И даже не подумает о том, сколько дорого может обойтись человеку и всем его родственникам подобное заявление. Дик ожидал чего-то похожего и в свой адрес. Опускать взгляд он не собирался, исполнять волю и капризы королевы – тоже.

Мгновения тянулись часами. Ричард начал медленно считать про себя. Когда дошел до сорока, Елизавета отвернулась и ушла, бросив напоследок:

– Я оставляю вас размышлять над своим поведением, герцог Глостер.

Означенный герцог повел плечом и подавил тяжелый вздох. Он и не думал слушать ее наставления, но все произошедшее сильно огорчило его.

– Мне не нравится этот мальчишка, – говорила Елизавета мужу спустя несколько часов.

– Ричард никому не желает зла, – отвечал Эдуард непреклонно.

– Это меня и беспокоит, – продолжала королева. – Я до сих пор не знаю, как к нему относиться. Он слишком независим. Поступает по-своему. Вроде и не интригует, к власти не рвется, но непонятно почему.

Король глянул на жену и усмехнулся:

– Вот видишь.

– Вижу, что ты потакаешь ему во всем!

– Разве я тебе потакаю мало? Всем твоим родственникам? А Дикон – мой младший брат, и тебе придется считаться с этим.

Возможно, именно из-за подобных разговоров Елизавета Вудвилл и невзлюбила младшего Йорка. Она слишком привыкла к своему влиянию на короля, но в вопросах, касающихся Ричарда, тот проявлял удивительную стойкость. Если интересы «младшего брата Дикона» в чем-то противостояли интересам жены, Эдуард безоговорочно вставал на сторону первого.

– Он пустит по миру себя, а потом и нас! К нему толпами идут обедневшие дворяне и каждого – каждого! – он одаривает. Кому – ренту, кому – пенсию из личных средств. И находятся же средства эти... Никогда не думала, что Глостер настолько богатый город.

– Ричард – это совесть моя, – король тяжело вздохнул и покачал головой. – Это я обязан поддерживать тех, кто воевал за отца, а после его гибели и за меня самого. Я, а вовсе не Дикон.

– Но это опасно, в конце концов! – не унималась Вудвилл. – Джон разговоры слышал. Говорят, пока Ричард Глостер с королем, не все еще потеряно. Твой брат сплотил вокруг себя людей. В случае чего, они поддержат его. Его! Не тебя.

– Хватит! – раздосадованно бросил Эдуард и даже грохнул кулаком по столешнице. Стоящий на ней золоченый кубок жалобно звякнул. – Дикон будет последним, кто предаст. Скажу больше, в час, когда никого не останется рядом, только он не покинет меня.

Дик же тем временем вернулся к окну и принялся смотреть в подступающие сумерки. В них шумел дождь и грохотали по камню капли. Снизу раздавался конный топот, окрики воинов и смех. За спиной продолжали надрываться флейты.

Слуга подошел совершенно бесшумно и встал за левым плечом:

– Ваша светлость, вас спрашивают.

Ричард развернулся на каблуках и поспешил к выходу. Эдуард давно ушел, и ничто более не держало Глостера в пиршественной зале.

Гонец отказался даже спешиться, не то чтобы пройти под крышу. Так и сидел на соломенном жеребце и издали казался то ли призраком, то ли изваянием. Дождь хлестал по его плащу. Конь топтался на месте, периодически встряхивая хвостом и длинной гривой.

– Герцог Глостер, – представился Ричард. – Вы спрашивали меня? Я вас слушаю.

Только теперь всадник слез с коня, шагнул вперед и откинул капюшон, скрывающий более половины лица. Мокрые волосы. Грязь, текущая по щеке. На Дика взглянули знакомые глаза, на дне которых плясали смешинки.

– Френсис! – Ричард кинулся навстречу другу. – Как? Откуда?..

– Из Миддлхейма, – Ловелл потянулся к поясу.

Краем глаза Глостер заметил, как стражники, словно бы невзначай оказавшиеся поблизости, напряглись при виде этого жеста. Но друг не ударил его кинжалом, а всего лишь

отстегнул футляр, закрепленный рядом с ножнами. В таких, как правило, перевозили послания.

– От Невилла, – ответил Ловелл на незаданный вопрос. – Прочти немедленно и разорви в клочья, а лучше сожги.

Дик кивнул:

– Только от него?

– Я спешил, даже если бы Анна узнала, к кому я направляюсь, у нее не хватило бы времени черкнуть и пару строк. Я не мог предупредить, – добавил Ловелл, оправдываясь. – Сам не знал, что стану вестником.

– Френсис, я тебя не виню, – Дик вынул свиток, сломал печать и вчитался в мелкие уверенные литеры. Почерк Уорвика он узнал сразу.

Граф ставил в известность о разрыве всяких отношений с йоркистской партией и переходе на сторону Ланкастеров. Ричарду он предлагал присоединиться к нему и вновь заверял в своем расположении. Вчитываясь в строки, восхваляющие его полководческие таланты, Глостер не мог сдержать злой ухмылки. Неужели Уорвик столь плохо знает воспитанника, чтобы опуститься до неприкрытой лести?

Когда Невилл упомянул об Анне, Дик скомкал послание и поднес к ярко пылающему факелу у входа. Играть собственными чувствами он не позволит никому! Создатель королей знает, как заставлять, но в вопросах чести не смыслит ничего.

– Френсис, передай... – из горла вырвалось какое-то сипение, а не слова, и Ричард неприязненно скривился. Голосу предстояло ломаться еще не один год. Через подобное проходили все юноши, но как же раздражала невозможность управляться с собственными интонациями, особенно когда Дик нервничал. – Передай... я весьма польщен вниманием, оказанным мне. Однако ничто и никто не заставит меня поступиться словом и честью.

– Мне кажется, для передачи отказа возвращаться совершенно незачем, – Дик уже повернулся, чтобы уйти. Фраза Ловелла заставила его остановиться.

– Вот как?

– Если герцог Глостер позволит... – высокопарно начал Ловелл. Ричард обернулся, и друг продолжил совершенно другим тоном. – Я бы остался с тобой.

Ричард кивнул и нахмурился.

– Здесь сложно, – он попытался найти более уместные слова, но не смог. – И я буду рад твоему присутствию.

Глава 12

На улице снова сумеречно – то ли слишком пасмурный день, то ли начинающийся вечер. В стекло постукивал дождь, серый и унылый. Временами он стихал, и тогда казалось, будто влага повисла в воздухе, а потом принимался с новой силой.

Дик слишком близко придвинулся к окну. Оно запотело от его дыхания. Можно было, как в детстве, попробовать нарисовать дракона или рыцаря на боевом коне. Но Ричард лишь водил по нему пальцем, провожая вниз скользящие капли. Некоторые дождевики задерживались на стекле. Другие стремились упасть, оставляя за собой влажные дорожки. К ним хотелось прикоснуться – губами, не пальцами. Отчего-то Ричард знал, что ощутит на языке привкус морской соли.

На широком подоконнике, на котором он сидел уже битый час, покоились бутылки и кубок. Напиваться не тянуло, но Дик не мог придумать ничего лучшего. Очередные вести из дома... Миддлхейма оказались слишком уж неожиданными.

Пальцы погладили резную ножку кубка и отпрянули. Зато под руку попало темное бутылочное горлышко. Забыв о всяких приличиях, Ричард запрокинул голову и наклонил бутылку. И принялся жадно пить, ловя ароматную струю подрагивающими губами. Подобные манеры вряд ли пристали герцогу и принцу крови. Дик плевать хотел на все этикетки, правила и приличия этого мира!

В висках кузнечными молотами бушевала кровь, и забытие не наступало, хотя именно его Ричард хотел со всей возможной искренностью. Зря он не дочитал то проклятое послание... очень зря. Он мог хотя бы ожидать случившегося, не сидеть в отведенных ему апартаментах и напиваться, а действовать.

Очередное письмо от Уорвика лежало на столе. Герцогу Глостеру следовало немедленно сжечь его по прочтении. Младший Йорк попросту не смел совершить подобного. Утратив материальное доказательство краха надежды, слишком легко навывдумывать себе историю со счастливым концом.

Опустошив бутылку, Дик поднялся. Видимо, слишком резко – комната поплыла перед глазами, но после нескольких глубоких вдохов встала на место. Послание словно само прыгнуло в руку, и Ричард стиснул его в кулаке.

Уорвик сожалел об упрямстве и недалёковидности недавнего подопечного. И ставил в известность о своем намерении выдать леди Анну за наследника Ланкастеров, единственного сына Маргариты Анжуйской и Генриха VI. Зная о чувствах, испытываемых Глостером к младшей дочери, граф просил у герцога извинений. В качестве коих сватал ему принцессу Жанну – вторую дочь французского короля Людовика XI. Единственным условием к осуществлению данного союза являлся незамедлительный переход Ричарда на сторону Ланкастеров.

В дверь постучали. Раз. Второй. Третий. Сквозь нее зазвучал обеспокоенный голос Френсиса.

– Заходи, – вымолвил Дик.

В горле пересохло, но возвращаться к подоконнику не хотелось. Какие-то три шага показались Ричарду непреодолимыми. К тому же начали путаться мысли. И, когда Ловелл вошел, Дик только и смог вспомнить, кто стал злым вестником и привез первое письмо.

Герцог перевел помутневший взгляд на сжатый в кулаке листок и кинул его в камин. Тот пылал назло скупости Вудвилл, запретившей топить весной, и относительно теплой погоде за окном. Ричард выпрямился. Вперился в друга взглядом и зло усмехнулся.

– Ты передай ему, – сипло попросил Глостер, – подобные предложения предательство и по отношению к Эдуарду, – он сглотнул, и голос неожиданно обрел силу, – и по отношению к дому Йорка, и по отношению к возлюбленной моей Анне!..

Френсис посмотрел в застывшее лицо друга, перевел взгляд на алые всполохи пламени. Снова взглянул на Ричарда и осторожно заметил:

– Ты не в себе.

– А вот и нет! Я вполне отдаю отчет своим действиям и поступкам. И вообще...

– Ты пьян, – перебил Ловелл и прикрыл за собой дверь.

Он обогнул стол и подхватил Дика как раз вовремя, чтобы не позволить ему осесть на пол.

– Пьян, – с какой-то злой обреченностью согласился Глостер. – Эдуарду всегда помогало забыться. А мне нет. Почему-то... становится только больнее.

Френсис перехватил его руку, заставляя опереться на плечо. До кровати требовалось преодолеть всего семь шагов. В случае если б Дик не смог идти, Ловелл без труда донес бы его на руках, не так уж много друг и весил. Вот только подобное казалось неуместным и даже унижительным. Ричард мог не простить такого обращения.

– И вообще, – повторил Глостер, падая на постель, – лучше быть братом английского короля, чем тестем французского! Ты так ему и передай, слышишь?!

– Конечно-конечно, – кивнул Френсис. – Обязательно и всенепременно, – добавил он, смирив гнев. Хотелось кого-нибудь убить. Только молодой человек никак не мог понять, кого именно. То ли Эдуарда с его разгульным образом жизни. То ли Уорвика с его извечной любовью к интригам и заговорам. А ведь еще недавно все было так хорошо...

Вскоре Вестминстер содрогнулся от еще одного известия. Вопреки воле Эдуарда, его брат, герцог Кларенс, сочетался браком с Изабеллой Невилл, старшей дочерью графа Уорвика, в поспешной и тайной церемонии в Кале. Сам Джордж заявлял о том, что покидает короля в знак протеста против его женитьбы на леди Грей.

Дикон выслушал очередные новости с непроницаемым выражением лица и составлять компанию Эдуарду за вином отказался наотрез.

* * *

В 1468 году, после возвращения герцога Кларенса с супругой в Англию, Уорвик спровоцировал несколько восстаний в Йоркшире. Он собрал армию, захватил владения Вудвиллов и казнил нескольких королевских приверженцев, включая отца королевы и ее брата Джона. Вестминстер потонул в трауре и яростных стенаниях Елизаветы, лишившейся близких.

Вудвилл требовала отмщения. Ее многочисленная родня, присутствующая при дворе, поддерживала ее в этом стремлении. Мало какой королевский выход и пир проходили спокойно. Обычно они сопровождались гневными речами и заламыванием рук.

– Почему?... Почему вы ничего не предпринимаете?! – вопрошала королева, поочередно заглядывая в глаза присутствующим.

Кто-то отводил взгляд. Другие вздыхали сочувственно. На лицах очень немногих застыло едва сдерживаемое удовлетворение. Некоторые даже злорадствовали, почти не скрываясь. Ричард герцог Глостер спокойно взирал на проявления королевского горя. Он наконец понял, как относится к этой женщине, и безразличие казалось ему более чем уместным. И уж, конечно, он не стал бы собирать войска, дабы мстить за почивших родственников жены Эдуарда. Он скорее полагал, будто те получили по заслугам.

Первым не выдержал брат. Он оторвался от распития очередного кубка и заявил о намерении выступить походом на север страны.

– Это бессмысленно, – Дик произнес это прежде, чем успел себя остановить. – Ты собираешься замирать Йоркшир, тогда как большая часть преданных нам войск сосредоточена на юге.

Королева сощурилась и подарила ему взгляд, значения которого юноша не понял. Кажется, Вудвилл вне себя от гнева, ненавидит и благодарна одновременно. Конечно, Елизавета сама добивалась этого похода, но того, что супруг лично возьмется отстаивать ее честь, явно не ожидала. Она скорее рассчитывала на приказ, который Эдуард отдаст своему брату. Королева и от Ричарда избавилась бы, и смогла бы безнаказанно упрекать того в случае неудачи.

– Вздор! – король поднял кубок. – Мятежников не столь и много. Они сами сложат оружие, завидев наши знамена и слышав поступь боевых коней!

Тост поддержало несколько подвыпивших голосов. Ободряющие возгласы и здравицы наполнили зал. Глостер перехватил еще один взгляд Елизаветы – почти панический – и встал из-за стола.

– Прошу извинить меня, Ваши Величества, – он сухо поклонился и вышел, слыша за спиной шелест приглушенных голосов.

– Что мы станем делать? – Ловелл не присутствовал на королевском обеде, но, как обычно, оказался в курсе возникших дел.

Дик нахмурился:

– Собирать армию, конечно.

– Не успеем!

– Надо успеть, – он прищурился и качнул головой. – Но прежде я еще раз побеседую с братом. По возможности наедине.

Но остановить короля не удалось. Он отправился на север и почти сразу же отступил под давлением ланкастерских сил. Только терпя поражение за поражением, он свыкся с мыслью об измене Уорвика и Кларенса. Теперь они открыто поддерживали восставших.

26 июля 1469 года в битве при Эджкот-Мур Уорвик разбил королевские войска и захватил в плен Эдуарда. Он держал короля в Понтефракте. Вскоре туда стали стекаться вести об огромной армии герцога Глостера. Ричард собрал ее в рекордные сроки и теперь шел на выручку брату.

Невилл мерил шагами комнату, резко разворачиваясь у стен. Слуги, как и соратники, старались не попадаться ему на глаза – слишком уж несдержан был граф в последнее время. Положение создателя королей ухудшалось с каждым днем, но ему казалось часом и даже мгновением.

– Мало мне юнца, поднаторевшего в войнах и действующего так, словно предвидит действия противника на пять шагов вперед, – бормотал Уорвик. – Эдуард узнал о подходе войск и призвал совет присоединиться к нему, а потом нагло заявил, будто отправится с этими людьми в Лондон. Так вдобавок еще и Анна закатила скандал в духе собственной матушки. Что может соображать девица в возрасте тринадцати лет? Да ничего! Она столь же мало смыслит в любви, сколь и в жизни вообще.

Сын Генриха и Маргариты оказался тотчас отвергнут Анной, как только она услышала о бракосочетании. Тот, дескать, весь в бывшую королеву. Жесток, злобен, помыслами низок, а лицом уродлив.

Слухи о норове принца действительно ходили довольно давно. Первый самостоятельный смертный приговор Эдуард Ланкастер вынес еще в семилетнем возрасте, чем изрядно потряс даже Маргариту Анжуйскую. Королева лишь в шутку спросила его, указывая на двух бывших телохранителей из свиты короля Генриха, сдавшихся в плен йоркистам: «Как мы накажем этих рыцарей?» И мальчик без колебаний ответил: «Отрубим головы!»

Быть может, если бы Анна не закатывала истерики, а спокойно доверилась отцу, Уорвик объяснил ей, что подобный политический брак осуществится лишь в случае восстановления

Генриха VI на троне. Конечно, граф верил в свою счастливую звезду, но многое могло сложиться непредсказуемо. В случае поражения он всерьез рассматривал вариант возвращения дочери к Глостеру. Мальчишка ради нее отказался от завидной невесты, значит, действительно влюблен. А став женой Ричарда, Анна вымолила бы прощение опальным родичам.

Но девчонка смела заикнуться о предательстве, измене и собственных романтических фанабериях. Она не оценила того, что Невиллу пришлось несколько часов провести колени-нопреклоненным перед Маргаритой, лишь бы вымолить прощение! И, конечно, граф не сдержался, поведя себя, словно какой-нибудь трактирщик. За пощечину собственной дочери Уорвику было стыдно перед самим собой. Однако просить извинений он не желал и постепенно свыкся с мыслью о появлении еще одного врага под крышей родного дома.

Когда раздражение достигло апогея, Уорвик вышел в коридор и, миновав крытую галерею, ногой отворил дверь в покои короля. Эдуард сопровождал его появление удивленным вздрагиванием бровей, но ничего не произнес. Вместо него заговорил Невилл, причем голосом, не терпящим возражений.

Король покинул Понтефракт, так и не дождавшись людей из совета. Якобы для обеспечения безопасности высокородного пленника, Кингмэйкер отконвоировал Эдуарда сначала в Уорвик-Кастл, а затем и в Миддлхейм.

Глава 13

– Армии не будет, – Ловелл уже в который раз оказывался вестником дурных новостей. Раньше таких казнили или отсылали куда-нибудь на дальние пределы. Однако Ричард выслушивал друга спокойно и кивал, лишь хмурясь время от времени. – Войска не успеют подойти.

Дик склонил голову набок. Вид его при этом стал задумчивым, хищным и хитрым донельзя.

– Мне и не нужна армия, – заявил он, ухмыльнувшись. – Вполне достаточно слухов о ее приближении. Пошли людей по ближайшим постоялым дворам, пусть говорят о подходе наших войск. Я хочу, чтобы их речи дошли до Уорвика в самом ближайшем будущем.

– Но как мы поступим потом, когда он...

– Он не предпримет ровным счетом ничего. Вернее, я не дам ему такой возможности, – с уверенностью заявил Ричард.

Вблизи Миддлхейма юный Глостер преобразился, словно стряхнув с плеч тяжкий груз. Он улыбался значительно чаще, нежели в Вестминстере, смеялся над чужими словами и шутил сам. А еще он казался слишком безрассудным и самоуверенным.

– Ты точно это знаешь? – переспросил Ловелл.

Дик повел плечом и усмехнулся:

– Мне достаточно двадцати человек.

Через несколько дней в компании лорда Гастингса, юного Генри Стаффорда, герцога Бэкингема, графа Эссекса, лорда Говарда, Френсиса Ловелла и немногочисленной охраны Ричард направился к Миддлхейму.

Этого прохода меж низких деревьев в непосредственной близости от стены, ограждающей замковый сад, Ловелл не помнил. Скорее всего, в пору пребывания в доме Уорвика виконт о нем и не подозревал. Стена выглядела незыблемой твердыней, а едва заметная неровность прилаженных друг к другу валунов не бросалась в глаза.

Ричард взмахом руки остановил свой небольшой отряд. Пару раз вздохнул и со всей силы налетел плечом на камни. Виконт подумал о внезапном умопомешательстве принца и тотчас восхищенно ахнул, когда кладка осыпалась внутрь.

– Не зря ты в свое время исследовал Миддлхейм сверху донизу! – он потрясенно выдохнул.

– Наверняка и пару тайных ходов разведаль? – поинтересовался Бэкингом и шало сверкнул глазами.

– Я решил приберечь их на потом, – усмехнулся Ричард и тотчас посерьезнел. – Мало ли как обернется.

– Нам предстоит отчаянное проникновение в логово врага, а не легкая пешая прогулка, – поддержал принца Гастингс. От его слов будто холодом повеяло. Радость от внезапной удачи померкла. Небольшой отряд приготовился лезть в пролом.

– Охрану оставим здесь, – распорядился Глостер, и высокие господа даже не подумали возражать. – Окажем честь этому дому, пусть нас и не ждут.

Ричард тряхнул головой, откидывая назад темные волосы, отросшие ниже плеч, и первым полез в щель.

Сад оказался почти заброшен. Кусты росли здесь столь плотно, что представляли собой преграду, намного неприступнее камня. Во всяком случае, подогнанные друг к другу глыбы не цеплялись острыми ветвями за одежду и не стремились выколоть глаза при каждом неосторожном движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.